

ШКОЛЬНИЙ ВЕСТНИК

6+

1/2018

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Андрей Тихонов. «Европейский День людей с инвалидностью»	1
Главный редактор Ю.И. Кочетков	ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ Р. Валеева. Правила старого доктора	8
Редакционная коллегия:	Ульяна Михайлова. История, рассказанная собакой-поводырем Снежком	12
С.В. Винокурова	Тассо Алахая. Вера в силу добра	19
В.И. Горбатов	ПРОБА ПЕРА Артём Медников. Рождество. Волшебное происшествие	23
В.З. Денискина	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Геннадий Стаханов. Стихи	27
И.Н. Зарубина	Мария Моравская. Стихи	30
О.В. Клековкина	АЗ, БУКИ, ВЕДИ Мария Моравская. Стихи	42
Ю.И. Котов	Ирина Антонова. Бабочка	44
В.В. Кулешов	Ирина Краева. Колямба, внук Одежды Петровны, и вся весёлая компания	61
Т.М. Морева	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ Лариса Шевцова. Урок 23	83
И.И. Семёнова		
А.П. Торопцев		
З.А. Шишкова		

«ЕВРОПЕЙСКИЙ ДЕНЬ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ»

Я люблю удобно расположиться в кресле самолёта, потягивая томатный сок из картонного стаканчика, и думать обо всём сразу, перескакивая с одного на другое, что-то вспоминать. Иногда мне даже кажется, что в самолёте смена мыслей в моей голове невероятно ускоряется, как будто мысленный поток пытается обогнать воздушное судно. Боюсь ли я летать? Человек, не предназначенный для этого природой, всегда чувствует себя не очень уютно, когда его отрывают от земли и стремительно переносят в другую точку планеты. Неприятное ощущение может быть усилено и беспокойным соседом, который вдруг начинает делиться с вами сведениями обо всех известных ему авиационных катастрофах. Так было и в этот раз, когда я летел в Брюссель на конференцию «Европейский День людей с инвалидностью».

Мой попутчик, профессор истории искусств, свободно владеющий русским, английским и немецким языками, из северного портового города Гданьска, как и я, летел в Брюссель на конференцию. Его конференция также была организована Европейской Комиссией, одним из ключевых институтов объединённой Европы. Профессор помог мне во время пересадки во Франкфурте, где нам пришлось бежать по терминалам огромного аэропорта, так как до вылета нашего рейса оставалось 10 минут. Ассистент, на которого я рассчи-

тывал и который должен был меня встретить и сопровождать до посадки, не явился — поразительная вещь для немецких аэропортов. В этот день во Франкфурте выпал снег, и мой новый товарищ предположил, что ассистент просто побоялся выходить из дома.

В Брюсселе меня ждали, несмотря на опоздание самолёта на 2 часа: причины всё те же — осадки в виде снега, по-видимому, не хватило китайских лопат и немецких рук. Девушка с безупречным английским, которая встречала делегации из разных стран, отправила меня в город с водителем. Я попросил, чтобы мы захватили и профессора. Мы удобно расположились в кожаном салоне объёмного автомобиля с потрясающей шумоизоляцией и стрелой домчались до района Брюсселя, где находятся Европейский Парламент, Еврокомиссия, а также и отель, в котором мне предстояло прожить кусочек моей жизни. Когда мои усталые ноги перешагнули порог номера и я тактильно осмотрелся, я понял, что в такой роскошной гостинице я ещё никогда не жил. Заварил себе хорошего крепкого чая, подключил быстрый Интернет и занялся изучением расписания на завтрашний день.

За последние два года я посетил много городов в Польше, принимая участие в конференциях, семинарах и разных других научно-практических приключениях. Это недешёвое удовольствие финансовым грузом ложилось только на семейный бюджет. Но международная конференция «Европейский День людей с инвалидностью» стала приятным исключением. Европейская Комиссия оплатила авиабилеты, проживание, питание и даже трансферы от отеля до места проведения конференции.

Утром следующего дня, познакомившись с весёлыми киприотами, которые несколько бесцеремонно обращались с языком Шекспира и Диккенса, на поданном организаторами автобусе я направился в один из корпусов Еврокомиссии. Предъявление документов, сканирование вещей, как в аэропорту, выдача брошюр, распечатанных по Брайлю, чашка кофе и печенье с корицей, и вот я уже расположился в просторном зале по соседству с благодушными итальянцами и сдержанными финнами. Это типичный зал в учреждениях такого рода. Перед каждым сидящим находится маленький микрофон с кнопками управления. Под столешницей маленькая полочка, на которой вас ждут наушники. Переключая разные каналы, можно найти синхронный перевод выступлений на языки стран ЕС. В этот раз перевод осуществлялся на 6 языков. Конференция велась на английском, и почти все выступающие тоже говорили по-английски, поэтому мне наушники не потребовались.

В 1992 году Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций объявила 2 декабря Международным Днём людей с инвалидностью. Конференция «Европейский День людей с инвалидностью» — ежегодное масштабное событие, приуроченное к этой дате. Важнейшую роль в подготовке и работе конференции играет Европейский Форум людей с инвалидностью. Основанная в 1997 году, эта независимая неправительственная организация, представляет интересы 80 млн европейцев с инвалидностью. Будучи мощным объединённым голосом этих людей в Европе, Форум включает в себя организации инвалидов всех 28 государств-

членов ЕС. Девиз организации — «Ничего о нас без нас!». Европейская Комиссия спонсировала конференцию, а Форум нёс ответственность за организацию и логистику. Должен признать, эти вопросы были решены блестяще. Никто не остался без поддержки и внимания. Часто на различных конференциях мне приходится сталкиваться с трудностями, так как людям необходимо время на понимание того, что иногда я нуждаюсь в посторонней помощи. Здесь же было много обученных волонтеров, которых можно было попросить помочь освоиться со шведским столом или найти нужное помещение в здании.

Цель конференции — собрать политиков, экспертов, активистов, представителей разных заинтересованных учреждений и, главное, людей с различными видами инвалидности, чтобы обсудить те проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды. В течение двух дней мы искали ответы на вопросы: как лучше информировать людей с инвалидностью об их правах, как предоставить им больше возможностей для участия в политической и общественной жизни, как сделать города более доступными, как повысить качество жизни инвалидов и как помочь им быть полноценными гражданами.

В первый день работы конференции моё внимание привлекли дискуссии и выступления, касающиеся участия людей с ограниченными возможностями здоровья в политической жизни. В какой-то момент я даже включил микрофон и высказал своё мнение. Как мы можем голосовать и быть избранными? Это базовые права гражданина. К примеру, в Польше можно голосовать, высылая бюллетень почтой — не все могут дойти до избиратель-

ного участка. Незрячий избиратель получает пластиковый трафарет, который накладывается на бюллетень. На трафарете имеются брайлевские цифры и отверстия, в которых можно поставить крестик. Избиратель должен помнить номер кандидата в списке, так как на трафарете фамилий нет.

На конференции 2017 года особое внимание уделялось людям с ментальной инвалидностью. Эти люди не имеют права голосовать, что, по мнению некоторых активистов, является нарушением их гражданских прав. Они должны проходить специальные тесты, оценивающие их умственные способности, прежде чем получить право голоса, а обычные люди таких тестов не проходят. Приводились примеры, когда люди с интеллектуальными нарушениями выигрывали выборы и становились даже мэрами городов. Я же погрузился в глубокие сомнения. Есть хорошее русское выражение: перегибать палку. Да, эти люди имеют право на адекватные условия жизни, которые должны быть гарантированы, но всё же надо признать, что состояние здоровья накладывает определённые ограничения. Я ведь понимаю, что не могу быть пилотом или архитектором, и не считаю, что это как-то нарушает мою свободу выбора. Если меня не примут на работу парикмахером, я не побегу в прокуратуру с заявлением, что мои права нарушили злобные и бессердечные люди.

Второй день был посвящён доступности городов. Обсуждались разные вопросы: как сделать исторические здания и объекты культурного наследия доступными для инвалидов, ведь в таких местах законом запрещено делать перепланировку, как усовершенство-

вать транспортные системы, чтобы их использование стало более удобным, как сделать более доступными банки, магазины, развлекательные и спортивные центры, заведения образования и здравоохранения. Особенно мне запомнились выступления обычных «пользователей» городов, простыми и ясными словами объясняющих суть существующих барьеров. Вездусущий вопрос финансирования, правильного распределения средств и контроля качества тоже обсуждался на конференции. В Европе тоже могут сделать пандус, по которому и здоровому человеку трудно пройти, могут повесить на стену табличку с брайлевой надписью, которую невозможно прочесть.

Работа конференции закончилась вручением наград тем городам, которые эксперты признали самыми доступными. Специальный приз отправился в датский город Выборг. Бронза досталась городу Люксембург. Столица Словении Любляна оказалась на втором месте. Победителем же стал французский Лион.

В перерыве на обед я вышел из зала и присел за столик, за которым уже сидели испанцы и британцы. На моей тарелке было несколько видов изысканных сыров, дорогая рыба, потом подали горячее. Разговорчивый незрячий шотландец бокал за бокалом наливал себе вино. Всё казалось праздничным. Но мой мозг сверлил вопрос: как это может изменить ситуацию инвалидов? Отели с четырьмя звёздами, кожаные салоны автобусов, дорогие обеды — это подарок от Европейской Комиссии инвалидам? Это благотворительность европейских политиков? Тот, кто не смог сюда приехать, так как нет у него хорошей коляски,

слухового аппарата, компьютера с брайлевским дисплеем и говорящей программой, рад был бы получить хотя бы небольшую финансовую помощь, а мы, участники конференции, могли бы пожить и в гостиницах более низкого класса.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ

«ШКОЛЬНОМУ ВЕСТНИКУ» — 80 ЛЕТ!

Дорогие читатели! У журналов тоже бывают дни рождения. В июне 2018 года журналу «Школьный вестник» исполняется 80 лет. Да, да, не удивляйтесь, солидный возраст! Если вы хотите узнать, что же печаталось в нашем журнале (до 1993 года он назывался «Советский школьник»), читайте нашу новую рубрику.

Сегодня мы публикуем статью, напечатанную в «Советском школьнике» в 1982 году.

Р. Валеева

ПРАВИЛА СТАРОГО ДОКТОРА

Как часто бывает, что школьные неудачи лишают тебя хорошего настроения. Запустил алгебру, трудно даётся физика — и вот уже опускаются руки, в дневнике мелькают двойки. От чего так происходит? И как тебе помочь?

Я думаю, очень много полезного ты узнал бы из книги Януша Корчака «Правила жизни». Это имя, наверное, известно тебе по книгам «Король Матиуш Первый» и «Когда я снова стану маленьким». А знаешь ли ты, что Корчак был не только прекрасным писателем, но и врачом и педагогом? Всю свою жизнь отдал Януш Корчак воспитанию сирот. В детских домах, которыми он руководил, была особенная атмосфера доброты и понимания.

Во время Второй мировой войны Корчак работал в детском доме в варшавском гетто. Как мог, облегчал он участь детей. Но фашисты не щадили даже жизни ребёнка. Двести воспитанников детского дома они отправили в газовые камеры. Друзья педагога уговаривали его спастись. Но Корчак не захотел спасать одного себя и погиб вместе со своими воспитанниками.

Януш Корчак любил и понимал детей. О том, как преодолевать трудности, он рассказал им в книге «Правила жизни».

Корчак считал, что трудности в учении возникают оттого, что многие ребята не умеют учиться с увлечением. В своей книге он рассказывает об одном из воспитанников, который превратил приготовление домашнего задания... в игру!

Когда он решал задачу, воображал, что цифры — солдаты, сам он — полководец, а ответ — крепость, которую надо взять приступом. Если приходилось трудно, он вновь собирал разбитую армию, составлял новый план битвы и шёл в атаку.

Стихи, которые надо выучить наизусть, представлялись ему аэропланами. Каждое выученное слово — сто метров вверх. Если выучил стихотворение без ошибок — набрал высоту.

Когда он выполнял письменное задание — представлял себя шофёром. Буквы и слова — проделанный путь. Если удастся написать всю строку красиво и грамотно — это лес, а плохо получилось — пески или болото.

Вот что придумал мальчик, чтобы не было скучно. А ты, может быть, придумаешь что-то своё?

Януш Корчак писал: «Каждый ищет свой способ облегчить работу».

Иногда ребята начинают завидовать своим товарищам, которые легко и быстро всё запоминают, схватывают на лету объяснения учителя. А себя, напротив, считают неудачниками и в силы свои не верят.

Старый доктор утверждал, что одни способности ничего не значат, если человек сам не будет стараться.

Часто человек способный зазнаётся от лёгких побед и губит свои способности.

Януш Корчак предлагает такие правила жизни:

Не завидовать.

Не досадовать на себя.

Не падать духом, идти упорно к своей цели.

Быть дисциплинированным.

Всегда выполнять свои обязанности.

Каждому хочется учиться лучше, развить в себе работоспособность, победить лень. Для этого, считал Корчак, очень важно знать свои достоинства и недостатки.

Не нужно слишком легко и много прощать себе, но и относиться к себе слишком строго не стоит. Чтобы избавиться от недостатков и развить достоинства, хорошо бы помнить такие правила Януша Корчака:

Если трудно — исправляйся не сразу, а постепенно.

Выбирай для начала лишь один, самый лёгкий недостаток и прежде всего кончай с ним.

Не падай духом, если долго нет улучшения или даже есть ухудшение.

Не ставь слишком лёгких или слишком тяжёлых условий — как раз такие, чтобы ты мог выиграть.

Януш Корчак писал, что успехов в учёбе можно добиться, только выработав в себе силу воли.

Тебе, наверное, интересно узнать, как воспитанники Корчака добивались этого. Почти все ребята, которые

хотели воспитать волю и избавиться от недостатка, заключали с доктором пари, «бились об заклад».

Спорили о разном: что будут вставать сразу, как проснутся; умываться как следует; не опаздывать к столу; хорошо учиться по самым трудным предметам...

Что не будут: забывать, терять, приставать, давать прозвища, болтать...

А ведь и ты можешь так же воспитать свою волю. И вовсе не обязательно заключать пари с кем-то, можно «биться об заклад» и с самим собой.

Януш Корчак писал: «Каждый человек обязан знать, что творится на свете и что делают другие люди. Это может показаться сначала трудным и скучным, и только потом, когда хорошенько во всём разберёшься, видишь, как это интересно. Да и вообще, чего стоит человек, который делает только то, что с самого начала легко и приятно?»

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ СОБАКОЙ- ПОВОДЫРЁМ СНЕЖКОМ

Вот моя история, начало у неё печальное. Она будет долгой...

Как известно, по восточному календарю 2018 год — год Жёлтой Собаки. А я и есть жёлтый пёс, десяти лет от роду, потому что я — голден-ретривер, золотистый ретривер из «Ярославского княжества», это собачий питомник так называется.

В моей собачьей жизни впервые наступил такой замечательный год, и второй раз такое пережить у меня вряд ли получится: век собачий недолог, а век собаки-поводыря и того короче...

Родился я у элитной российской мамы и элитного английского папы, многократных чемпионов по собачьей красоте, уму и чистоте породы. Родился для того, чтобы на радость любителям собак продолжать славный род голден-ретриверов благородных кровей.

В младенческом возрасте меня купили о-о-очень состоятельные люди, чтобы я был другом их замечательного одиннадцатилетнего сынишки, который ужасно страдал от одиночества и мечтал о щенке.

Жили мы в коттедже в центре Ярославля. Кормили меня всякими вкусностями, особенно мне нравились мраморная говядина и немецкие колбаски. Обязанностей только и было, что носиться с мальчишкой по дому и саду и прыгать по диванам.

Не зная, к чему приложить свои недюжинные способности, доставшиеся мне по наследству от родителей-

чемпионов, я стал приносить тапочки моим любимым хозяевам, а когда их не было дома, я расставлял их тапки по рангу — Хозяина, Хозяйки и Маленького хозяина, дружка моего.

До сих пор люблю это занятие и ещё люблю вручать тапки всем, входящим в дом, это что-то вроде приветствия: «Добро пожаловать, прошу пройти к камину, к домашнему очагу!»

Идиллия длилась меньше года. Грянул кризис, родители Максимки разорились, рассорились и развелись. Продали дом, разъехались в разные стороны и даже разные страны, увезли Максимку, а меня отдали заводчице.

Я стал не нужен. Наши с Максимкой слёзы никого не разжалобили, у взрослых были свои проблемы.

У заводчицы в питомнике в это время были женские особи, которые ждали титулованных женихов. И я, молодой красивый недоросль, тут был явно не ко двору. Чемпионских медалей у меня не было.

Хозяйка питомника отвезла меня в Рыбинск, на недостроенную дачу, где никто не жил. Стояла поздняя осень. Крыши на доме не было, и в дом то лился ледяной дождь, то сыпал снег. С громадных старых яблонь падали яблоки. Ведро с водой для питья часто покрывалось коркой льда.

Не знаю, сколько времени я питался мёрзлыми яблоками и обкакивал эту брошенную дачу, страдая от одиночества и безысходности... Но однажды за мной приехали! Я прыгал и ласкался, боялся, что меня, такого тощего, грязного, с вихляющими лапами (начинался рахит), не возьмут с собой эти милые люди. Но меня взяли на руки, занесли в машину и увезли в город Череповец.

Как они меня нашли? Объявление в газете о том, что продаётся золотистый ретривер, случайно попало в рубрику с объявлениями о продаже золотых попугаев. В результате вместе с попугаями продавался и я — за 8 тысяч рублей со всей своей элитной родословной! Это была судьба.

Неделю я жил в тёплой квартире с двумя симпатичными котами и моими новыми хозяевами. Я расставлял и подавал их тапочки! Я готов был любить их всем сердцем! Но они ждали от меня чего-то другого, и я не понимал чего. Я ничего не умел, балованный юный пёс, выросший в неге и играх в просторном коттедже.

Я понял, что моей Хозяйкой должна стать белокурая девушка, которая не умела играть и бегать со мной, и даже гулять во двор она меня выводила вместе с мамой или сестрой.

И вот! Через неделю меня, отмытого, чуть-чуть отъезшегося и полного надежд на счастливую жизнь, опять отвели в машину. Долгая дорога в Москву, в Купавну, в Школу собак-поводырей. Только я этого тогда не знал и так боялся неизвестности.

Сквозь зимний прозрачный воздух, наполненный ароматом замёрзших сосен, резанули острые запахи незнакомых собак, и поразила какофония собачьего лая: было время утренней кормёжки, не смолкал собачий перебрёх, жалобы и прочие громкие выражения собачьего пробуждения.

Меня привели к ветеринару сдавать анализы. Мои новые хозяева всё время меня обнимали и что-то горячо шептали на ухо, но моя голова гудела от непонимания происходящего со мной.

В очереди к ветеринару сидели чёрные, коричневые, бежевые лабрадоры. Добродушные, суетливые, они с интересом на меня поглядывали. И тут привели Хана. Этот овчар в сидячем положении был размером с Человека! И я, этакий денди, почему-то его очень раздражал. О чём Хан мне тихонько угрожающе прорычал.

И тут меня отобрали у Хозяйки, и я очутился за железной решёткой! А хозяевам сказали, что им надо уходить, и они, пятясь и спотыкаясь, ушли!

За что? За что? В чём моя вина? Меня опять предали...

Все тесты на профпригодность у ветеринаров и психологов я прошёл, и меня перевели в обычный вольер. Дали мне инструктора Люду, учителя новой жизни. Но от обиды, отчаяния и протеста я объявил голодовку. Я отказывался от пищи, я не чувствовал голода. В породе голден-ретривер намешено несколько пород, в том числе и овчарки. Так вот эта овчарка во мне проснулась, и я озверел. Я сцепился с громадным Ханом так, что окровавленных нас унесли в операционную, и наш замечательный доктор долго зашивал наши раны.

С Ханом мы в итоге помирились. Он сообщил мне, что я нахожусь в Школе. Все собаки, тут находящиеся, должны стать для слепых людей их новыми глазами. Хан, такой громадный, ждёт своего героя, лишившегося зрения в одной из горячих точек. А я в очередной раз вспомнил нежную, но строгую блондинку Ульяну из Череповца.

Первый раз я нормально поел из рук нашей уборщицы, которая тайно от инструкторов и вопреки правилам Школы принесла мне домашней пищи и покормила меня из рук, что-то ласково и обнадеживающе мне обещая.

Учёба моя шла успешно, и скоро я стал одним из лучших учеников. Иногда в школу приезжали какие-то люди, целыми группами, они здесь жили, им давали собак, они с ними ходили, и потом эти собаки уезжали из Школы навсегда. Мы, оставшиеся здесь, очень им завидовали и мечтали, что и за нами приедет кто-нибудь... Я заметил, что эти люди очень похожи на мою белокурую девушку из Череповца. Они тоже ходили неуверенно, с белыми палочками, и им помогали их родственники. Озарение пришло: надо учиться, и тогда я обрету свободу, и дом, и любовь, и дружбу!

Я уже много чему научился, а иногда я даже чувствовал себя артистом. Надо сказать, вообще все золотистые ретриверы в душе артисты. Раз в неделю в Школу приезжали на экскурсию школьники, и директор мне поручал просвещать их по поводу нашей собачьей поводырской работы. Лучась от удовольствия и гордости, я с инструктором Людой демонстрировал всё, чему меня научили, и даже более того. Директор, персонал Школы и ветеринар приходили на мои просветительские концерты собачьих возможностей и упивались моим успехом. Это чистая правда, потому что когда я покидал Школу, все они пришли попрощаться со мной и целовали меня в нос по очереди.

Сначала, голося и причитая, меня поцеловала наша уборщица, потом все остальные, и в итоге меня крепко чмокнул в мокрый чёрный нос директор. У него, кстати сказать, папа был слепой.

А приехала за мной Ульянина мама, Уля в тот момент заболела тяжёлым гриппом. Мама стояла у сосны, стесняясь и пряча глаза, считая себя предательницей. Я узнал её сразу. Скромно дала мне сосиску. Я

вежливо сожрал. Не нужна мне сосиска. Ну её. Заберёт или нет? Обиды нет внутри. Вышла обида с собачьими слезами и воем.

И вот мы в Череповце! Я понял, что меня ждали! Два кота меня не забыли и доброжелательно улыбаются. Улька храбрится, говорит, что научится со мной ходить. Лиха беда начало! Было всё: слёзы, крики, Улькины падения с ободранными коленками, моё неповиновение от растерянности. Не то что я специально наказывал эту неумелую курицу, просто стать одним целым очень сложно. Сзади, на расстоянии 10 метров всегда шла терпеливая, позитивно настроенная мама, перепоручая заботу об Ульке мне. И наша работа увенчалась успехом!

Я научился ещё и танцевать, и много чего другого делать. Я стал членом семьи. Коты спят со мной вместе, демонстрируя свою симпатию. Ульяна оказалась очень активной и обрела свободу передвижений, потому что я стал её глазами. Впоследствии мы ездили в Школу на Всероссийский чемпионат собак-проводников и их хозяев и поражали судей своей фантазией и театральными постановками. И я стал Чемпионом России среди собак-поводырей.

Ульяна создала клуб «Территория солнца» для людей с ограниченными возможностями здоровья, и мы там вместе работаем. В университете на психолога я её выучил, на работу вместе с ней хожу, везде я с ней, везде. Интересно с ней жить. Показывают нас в программах местного телевидения. Проводим уроки толерантности со школьниками, занимаемся социальным просвещением. Через полгода мне исполнится 10 лет, 8 с половиной лет мы вместе.

Я уже серьёзный опытный пёс. Но скажу по секрету: когда Ули нет в комнате, я иногда хулиганю, забираюсь на её диван и блаженствую...

А для полного счастья мне не хватает только собачьих тапок с резиновой подошвой для поездок в метро и большого удобного собачьего дивана.

ученица 6 класса «Школы-интерната № 1 для обучения и реабилитации слепых», Москва

ВЕРА В СИЛУ ДОБРА

Детский инклюзивный театр «Волшебная флейта» уже более 10 лет активно развивается на базе районного отделения «Краснопресненское» Московского общества инвалидов. Руководит этим театром Ия Викторовна Кудинова.

Я хочу рассказать об этой удивительной женщине. Она не может самостоятельно ни есть, ни умываться, ни передвигаться. Однако её добрые дела и достижения известны почти всему городу.

Ия Викторовна росла в окружении любви родных и близких. У них была дружная и счастливая семья. Ия особенно любила свою младшую сестру Лену. С Леной она занималась: водила её в детский сад, провожала в школу. А когда сёстры выросли, то стали лучшими подругами. И это сестринская любовь продолжается до сих пор. Особенно после того, как произошёл несчастный случай с Ией.

Когда Ия училась в техникуме пищевой промышленности, то на практике в одном из хлебокомбинатов города Новосибирска и произошло это несчастье. Однажды к ней подошла работница комбината и попросила отрегулировать дозировку тесто-хлеб, так как шёл перевес теста. Она начала регулировать, и вдруг на неё стала падать «дежа» (деревянная кадушка с тестом). Быстрая реакция работницы, которая успела её оттолкнуть, спасла ей жизнь. После выяснилось, что «дежу»

закреплял пьяный слесарь. В результате страшная травма позвоночника.

После операции доктор сказал, что она такая сильная и её сильное желание жить поможет ей выжить. Она долго пролежала в больнице, потом — реабилитация. Заново учиться ходить, по-новому воспринимать жизнь, когда тебе всего 19 лет! И это так страшно! Ей надо было выбирать: она молодая, красивая — и покориться судьбе, ничего не делая, и ждать своего конца или бороться с недугом? Но рядом были её близкие, родные люди. Папа, сильный духом человек, был всегда рядом с дочерью и во всём помогал ей. Однажды он сказал: «Решай, как будешь жить дальше. Думай, мы с мамой не вечные, а тебе ещё жить». Она сначала обиделась, но потом поняла, что он прав. Это было его желание побудить любимого человека стать сильнее и не склоняться перед судьбой.

Недолго думая, она решила поменять профессию технолога на профессию юриста. Ия переезжает в Москву. Я представляю, как она появилась в институте на костылях и с «дипломатом» (это модный портфель в 1970-х годах). И каково бывает удивление людей, которые видят нас, людей с ограниченными возможностями здоровья, что мы чего-то хотим. Я тоже могу сказать про себя. Мою маму часто спрашивают: «А что, ваша дочь совсем не видит?» И когда узнают, что я не вижу, начинают жалеть не меня, а маму. А мама гордо отвечает: «Не надо жалеть, она лучше нас видит и понимает». И чего стоят ей эти слова! А от себя хочу добавить: не надо меня жалеть, у меня всё впереди!

Итак, Ия Викторовна поступила во Всесоюзный заочный юридический институт. После окончания института

она работала юристом, а потом пришла в общество инвалидов. И до сих пор она работает в этой организации. А теперь Ия Викторовна является председателем общества инвалидов «Красная Пресня».

В детстве Ия Викторовна была подвижной девочкой, музыкальной, занималась танцами и очень любила театр. И наконец её мечта осуществилась! Она создаёт детский музыкальный театр «Волшебная флейта». Этот проект помогает детям-инвалидам не только открыть в себе возможности радоваться жизни, но быть добрее к их здоровым сверстникам и к даже родителям. Ия Викторовна рассказывала моей маме, какие трудности пришлось ей преодолеть при создании театра. А сейчас я хочу рассказать, как я попала в этот театр.

В театр дети приходят в пять лет. А я пришла, когда уже училась в школе, в октябре 2016 года. День был очень мрачный. Моросило. Я очень волновалась. Как примут меня, незрячую, дети, педагоги и сама Ия Викторовна. Маму предупредили, что она очень строгая, требовательная и не терпит никакой фальши. На первое занятие мы старались не опаздывать и пришли на полчаса раньше. Пришла Ия Викторовна. Она тяжело передвигалась на костылях, поздоровалась и попросила маму вытащить ключи из сумки и открыть двери. Я боялась, но когда она со мной стала говорить, я увидела добрейшего человека. Под маской суровости скрывается нежный и добрый человек. Просто она хочет показать, что она сильная и нечего её жалеть. Познакомила меня с педагогами. С какой любовью и нежностью она рассказывает о детях, педагогах.

А какие у нас педагоги! Они на концертах с такой гордостью и любовью объявляют наш выход на сцену, что

мне не страшны никакие зрители. Мы танцуем, поём. Кроме вокала я занимаюсь хореографией. Вы не представляете, как мне трудно было научиться танцевать. Но мне очень помогают педагоги. В театре моя первая роль была в спектакле «Снежная королева», где я исполняла роль сказочницы.

«Волшебная флейта» благодаря Ие Викторовне много выступает в Москве и гастролирует по городам России. После каждой репетиции Ия Викторовна приносит целую вазу конфет и угощает нас. Я думаю, что она так выражает свою любовь к детям. Для неё дети на первом месте. Мне очень хотелось написать рассказ об этой удивительной женщине. Я попросила маму, чтобы она узнала историю этой сильной и мужественной женщины. Я думаю, что Ия Викторовна достигла всего благодаря вере в силу добра. Она своим примером учит нас быть сильными, добрыми и верить в себя.

ПРОБА ПЕРА

Артём Медников

*Ученик Челябинской школы № 127
для слепых и слабовидящих детей*

РОЖДЕСТВО

ВОЛШЕБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Я гостил в деревне на зимних каникулах. Наши соседи рано утром уехали за продуктами к рождественскому столу. Дома у нас было очень тепло, а за окном гудел ветер. Я всегда думал: вот бы он научился играть на флейте или на саксофоне, а то дует в какой-то непонятный рожок, и под его гудение всегда спать хочется.

Тут меня позвал гулять мой друг Коля, он такой закалённый, что даже в самый мороз может гулять в осенней куртке. Мы решили построить снежную крепость. И вдруг я увидел, что на крыльце у соседей сидит какой-то мальчик в одной рубахе. Я подумал: «Ну, это совсем морж какой-то! Колька и то в куртке!»

Я вспомнил, что соседи-то уехали. Чего это он на чужом крыльце расселся?! Мы с Колей решили с ним познакомиться.

— Эй, ты кто такой? — крикнул Коля и запустил в мальчика снежком. Снежок почему-то не долетел до цели и превратился в серебристую звёздочку.

— Ты в цирковой студии, что ли, занимаешься? — спросил Колька.

— Нет, я Рождество, — ответил мальчик.

Мы не выдержали и расхохотались прямо перед ним. Коля вообще не верил ни в каких Дедов Морозов, фей, духов. Он всегда меня убеждал, что подарки кладут под ёлку только родители, что загадывать желания вообще бесполезно. Но я-то точно знал, что он ошибается!

Колька сказал, что ему пора идти на обед — есть пельмени. А я остался, хоть и не поверил нашему новому знакомому. Мне показалось, что он сильно замёрз, и я взял его за руку. Но от хохота у меня потекли слёзы и очки запотели. Мне вдруг показалось, что я дотронулся не до мальчика, а до какого-то рыжего кота. Я отдёрнул руку, протёр очки и убедился, что передо мной сидит Гарфильд. Когда-то давно в письме Деду Морозу я писал, что хочу побывать в Англии и хочу познакомиться с котом Гарфильдом. Неужели тот мальчишка в рубаше и правда Рождество и может творить чудеса? Нет, я, конечно, верю и в Бога, и в ангелов, и в Деда Мороза, и в фей, и в волшебство. Но чтобы самому взять и оказаться прямо в какой-то сказке?.. Деревня пропала, вокруг был один сплошной туман. Я даже испугался и ещё раз посмотрел на кота.

Это точно был Гарфильд! Такой большой, рыжий, пушистый, с очень доброй и весёлой мордой. Я не выдержал и бросился его обнимать, ведь мне так давно хотелось с ним познакомиться.

— Ну не задуши меня, пожалуйста. — Гарфильд отодвинулся и облизал себя языком. — Hellow, — промурлыкал он.

— Привет, — ответил я. — Вообще-то, я ещё не выучил английский.

— Плохо, — огорчился Гарфильд, — Ну, зато я говорю на всех языках. Пошли, я покажу тебе Лондон.

И мы с Гарфильдом отправились гулять по Лондону. Я увидел английские дома, красные английские автобусы и телефонные будки, Биг-Бэн, Тауэр. Это было так здорово! Я чувствовал себя счастливым. Потом мы сели в красный автобус и встретили там того мальчика в одной рубахе.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Ну ещё бы! — засмеялся я.

Оказалось, что этот мальчик действительно Рождество, вернее, Дух Рождества. Правда, я думал, что он должен быть очень старым, ведь Иисус Христос родился очень давно! И тут пришла очередь мальчика хохотать.

— Но ведь я Рождество, рождение, я не могу быть старым, я всегда очень молодой, — смеялся он. — Я могу быть мальчиком, могу быть девочкой, могу быть голубем, звёздочкой, снежинкой, я ведь Дух.

Мальчик сказал мне, что когда родился Иисус Христос, Дух Рождества приходил к людям и стучался в двери. Те, кто его впускал к себе, становились очень счастливыми, такими, как я сейчас.

Мне так захотелось, чтобы мой друг Коля был со мной рядом. Но Дух Рождества сказал, что он может сделать человека счастливым, если тот сам поверит и в Рождество, и в волшебство, и в мечты.

Мне в руки дали блестящую звёздочку, ей нужно было сообщить новые желания. На этот раз я пожелал, чтобы наш город был чистым, чтобы заводы не дымили и не выбрасывали ядовитые отходы, чтобы был чистым воздух, чистые озёра и чистая речка Миасс. А ещё я поже-

лал, чтобы все люди в нашем городе были здоровыми! Да и не только в нашем городе. И ещё моим желанием было, чтобы никто не ссорился и не воевал. Лучше жить мирно и летать друг к другу в гости!

В руке я держал красивую, похожую на звезду льдинку. Ко мне навстречу бежал в расстёгнутой куртке Коляка.

— Ну что, ты проводил этого чудика в рубахе до автобуса? — спросил Коля, дожёвывая пельмень.

Я удивлённо смотрел на него и молчал, не зная, как рассказать о том, что со мной только что случилось. А Коляка тут же занялся укреплением нашей снежной крепости.

— Чего стоишь, — закричал он, — давай сюда эту ледышку!

На вершину снежной башни мы прикрепили ледяную звёздочку. И она красиво заблестела в солнечных лучах.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Геннадий Стаханов

Ничего от тебя мне не надо!
Ничего, ничего, ничего!
Ни улыбки, ни слова, ни взгляда,
Ни раскаяния твоего!

Дни кружатся пустой каруселью —
Стала жизнь мне совсем не мила!
Словно осень багряной метелью
Нас и нашу любовь замела!

Словно прежнее звонкое счастье
Лёгкой птицею вдаль унеслось!
Словно сердце разбилось на части
И в неистовом крике зашлось!

Осень, осень, осень!
Дождик, как из сита!
В мутном небе просинь
Кое-где промыта.

Осень, осень, осень.
В сердце нет уюта!
Сам себе несносен
Стал я почему-то!

Осень, осень, осень,
Без конца и края!
Я скучаю очень
По тебе, родная!

Осень, осень, осень —
Грустью дни сочатся.
Взять бы всё и бросить
И к тебе примчаться!

Вьюга злится! Вьюга вьётся!
Вьюга душу тербит!
И невольно сердце бьётся
Птицей пойманной в груди.

Вьюге скучно! Вьюге жутко!
Вьюге холодно в пути —
Ей бы только на минутку
Дух в тепле перевести!

Перестать кружить по кругу!
Не метаться вдоль дорог!
Но никто не пустит вьюгу —
Злую вьюгу на порог!

Не плачь, любимая, не плачь!
Как говорят, ещё не вечер!
И от завистников при встрече
Лица печального не прячь!

Беда коснулась нас крылом!
На ясный день нашло ненастье,
Но мы вдвоём за наше счастье
Ещё поборемся со злом.

Поверь, что солнце из-за туч,
Сметая нашу боль и муку,
Протянет царственно нам руку —
Горячий свой победный луч!

Под небом южным меж камней,
Играя, пенилась река,
Весёлый маленький ручей
Стремился к ней издалека.

Проделал он нелёгкий путь
И всё затем, чтоб к ней прильнуть.
Вдруг перед ним, насупив бровь,
Стеною встал седой утёс.

Но не одну с собой любовь
Ручей в душе своей принёс!
И, усмехнувшись над судьбой,
Он принял тут неравный бой!

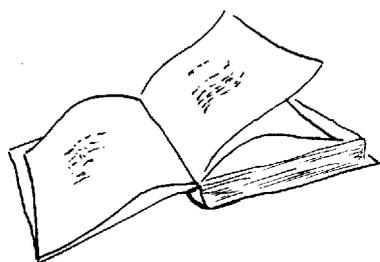
Врага он бил и так и сяк!
Бил грудью в грудь и день и ночь!
Но скоро он совсем иссяк,
Не в силах камень перевозмочь!

А рядом, свившись, как змея,
Река смеялась: «Я твоя!»
И вот пустынен дикий берег,
На нём печать минувших лет.

Увы! Стремителен их бег!
Река течёт, ручья уж нет.
Бывает так и меж людьми,
Попробуй каждого пойми!

МАРИЯ МОРАВСКАЯ

1889 — 1947

Невиданный расцвет поэзии в России на рубеже 19 и 20 столетий оставил в русской литературе огромное количество имён. Позже это время назвали Серебряным веком русской поэзии. Он закончился войнами и революциями. Многие уехали за границу и тяжело приживались на новом месте, продолжали писать и печататься в эмигрантских изданиях. Многие остались на Родине и разделили судьбу своего народа, писали, издавали новые книги, привыкали к новой жизни. А некоторые просто исчезли — ни одной новой книги, ни одной публикации в журнале.

Мария Моравская — одно из «потерянных» имён Серебряного века.

Моравская Мария Магдалина Франческа Людвиговна родилась в 1889 году в Варшаве, в польской католической семье, а умерла в США в 1947 году. Ей было всего два года, когда умерла её мать. Отец женился вторично, и семья переехала в Одессу. У Марии появилось много братьев и сестёр. Мачеха не заменила ей мать, их отношения складывались непросто, и в пятнадцать лет Мария покинула родительский дом. Она уехала в Петербург, жила в бедности, зарабатывала на жизнь уроками, перепиской, а с 16 лет — литературным трудом: её статьи и стихи сначала появились в одесских газетах, потом — в петербургских журналах.

Поступила на Высшие Бестужевские курсы, но не закончила их. Было уже не до того в 1905 году, в канун первой русской революции. Мария увлекалась политикой, в частности, польскими проблемами и социалистическими идеями, стала участницей политических кружков. Дважды, в 1906 и 1907 годах, была арестована и сидела в тюрьме.

Мария очень рано вышла замуж, но брак оказался непрочным и недолгим.

В 1910 году она познакомилась с Максимилианом Волошиным, который оказывал ей моральную и житейскую поддержку. Мария Моравская стала появляться в литературных кругах, собраниях и обществах. Была принята в «Цех поэтов», в котором состояли Гумилёв, Ахматова, Мандельштам, Городецкий, Иванов...

Первый сборник стихов «На пристани» (1914) принёс ей известность. Зинаида Гиппиус назвала Моравскую «чрезвычайно талантливой особой», получить такую

оценку от самой «декадентской мадонны» было очень лестно. Критик Иванов-Разумник пошёл ещё дальше и поставил её вровень с Анной Ахматовой, что, конечно, было явным преувеличением. Последующие сборники «Стихи о войне», «Прекрасная Польша», «Золушка думает» получили отнюдь не восторженные отзывы. Последний сборник вызвал откровенно насмешливые отклики. «Золушка совсем не думает» — так называлась одна из рецензий.

Моравская стала известна не только своими стихами, но и полемическими выступлениями. Она критиковала акмеистов: «Всё красиво, стильно, звучно, но и скучно, скучно, скучно!» И символистов: «А символизму надо дать по шапке! Красота обыденности идёт ему на смену!»

В её собственных стихах «красота обыденности» встречается не так уж и часто. Но в них есть особая детская интонация, на которую обратили внимание критики и назвали её «инфантильной»:

Ах, петь бы под солнцем о малых зайчатах,
Ах, петь на свету, и чтоб полдень был вечно!
Весёлой, смешливою быть и беспечной,
Не помнить, не помнить о мглистых закатах...
Не думать бы в парке вечером росным
О том, что я Золушка, грустная, взрослая...

Даже о первой седине она пишет тоном маленькой девочки:

Только женщины думают так безнадёжно
О старости ранней,
Словно вся жизнь, вся жизнь безбрежная —

Одно лишь любовное свидание...
Я три года седею, медленно седею,
Я морщинки заметила ранние.
И — я так ничтожна — мне это больнее
Всех моих душевных страданий...

Её упрекали, что она стремится уйти от действительности. А она отвечала: «Стремлюсь уйти не от действительности вообще, а лишь от окружающей меня вялой и блёклой действительности».

Критики отмечали, что «инфантильная интонация» — это её приём. А она отвечала им, что для поэта «выдумывание себе души» является преступлением. В жизни она была самостоятельной и смелой. В душе так и осталась одинокой девочкой, рано лишившейся материнской любви, тепла и мечтавшей найти это тепло в дальних странах.

Туман мутный над городом встал
Облаком душным и нетающим.
Я пойду сегодня на вокзал,
Буду завидовать уезжающим.

Страсть к путешествиям передалась Марии Моравской от отца. Он хотел быть изобретателем, но ему не хватало образования, он мечтал о путешествиях, но на них ему не хватало средств. Мария посвятила ему стихотворение «Пленный». Отец сидел в кресле, облепленный маленькими ручонками своих детей:

И все мы знали: папа будет с нами,
Не отдадим его чужой стране.

А он разглядывал печальными глазами
Всё тот же чахлый кактус на окне...

В 1914 году вышел ещё один сборник её стихов, на этот раз детских, «Апельсиновые корки»:

Горько жить мне, очень горько, —
Все ушли, и я один...
Шебаршит мышонок в норке,
Я грызу, вздыхая, корки, —
Съел давно я апельсин.

Час я плакал длинный-длинный,
Не идёт уже слеза.
Соком корки апельсиновой
Я побрызгаю глаза.

Запасусь опять слезами,
Буду плакать хоть полдня, —
Пусть придут, увидят сами,
Как обидели меня.

На этот раз никто её не упрекал за «инфантильную интонацию». Теперь её хвалили за отсутствие сюсюканья и жеманства, за правдивость без назидательности, за понимание детской души и за юмор. И будничные темы здесь пришлись как нельзя кстати.

Моравская стала писать для популярного детского журнала «Тропинка». Выпустила сборник детских рассказов «Цветы в подвале». Всё складывалось как нельзя лучше — она нашла своё место в литературе. Но большим детским писателем Мария Моравская, к сожалению,

нию, не стала. Помешала муза дальних странствий и грянувшая революция.

В 1917 году исполнилась её мечта: она отправилась в путешествие по Японии. Оттуда она уехала сначала в Латинскую Америку, потом — в США. Там начала писать по-английски. В журналах и газетах появлялись её очерки и короткие рассказы — взгляд новой американки на всё, что происходило вокруг. Она разочаровалась в Америке. Её возмутили расизм и антисемитизм. Она писала об ужасном отношении к внебрачным детям, о безответственности рекламы и т.д. Словом, в Америке она больше писала о том, что происходило вокруг, нежели о том, что творилось у неё на душе.

Она снова начала тосковать. На этот раз по России. Она писала Илье Эренбургу, с которым была хорошо знакома: «Я была поэтом в России, а теперь почти разучилась говорить по-русски». И далее: «Живёшь как мёртвая, мёртвая для поэзии, потому что тут ведь стихов писать не стоит».

Корней Иванович Чуковский в разговоре с Маргаритой Алигер упомянул, что получил письмо от Марии Моравской, в котором она писала, что вышла замуж за почтальона и живёт в Чили. Но письмо это пока не найдено...

ЗАПЫЛЁННАЯ МЕЧТА

Я купила накидку дорожную
И синее суконное кепи
И мечтала: увижу безбрежные,
Безбрежные моря и степи!

И висит, покрываясь пылью,
Моё кепи на раме зеркальной.

Но теперь помертвели, остыли
Все мечты о дороге дальней.

Разве долго мечтать я бессильна,
Разве я изменила просторам?
Со стены моя шапка пыльная
Глядит на меня с укором...

ЗОЛУШКА

Я Золушка, Золушка, — мне грустно!
Просит нищий, и нечего подать...
Пахнет хлебом из булочной так вкусно,
Но надо вчерашний доедать.

Хозяйка квартирная, как мачеха!
(Мне стыдно об этом говорить.)
Я с ней разговариваю вкрадчиво
И боюсь, опоздав, позвонить.

На бал позовут меня? Не знаю.
Быть может, всю жизнь не позовут...
Я Золушка, только городская,
И феи за мною не придут.

МИЛЛИОНЫ РОДНЫХ

Никого провожать не пойду
На эту войну.
И тревожных вестей не прочту,

Что близкий убит иль в плену,
И не буду ходить, как в бреду,

Гадая, чья жизнь спасена, —
Я давно одна.

Но торжественность этого дня,
Когда объявили: «война»,
Это остро волнует меня,
Это душу пронзило до дна.

И расширилось сердце во мне,
Чтобы думать о всей стране,
Потому что я — одна.

НЕМНОГО ЖАЛОСТИ

Жалят меня жала мельче иголки,
Оставляют ранки на долгий срок.
Меня волнуют срубленные ёлки
И заблудившийся щенок.

Утром я плакала над нищенкой печальной,
И была колюча каждая слеза!
Разве так уж страшно быть сентиментальной,
Если жалость давит глаза?

ПИСЬМО

Захотелось писать письмо на вокзале —
Мой друг на Севере остался один.
Продавщицы бумаги у входа стояли
Под дождём, у прикрытых клеёнкой корзин.

Были серы конверты и бумага — сырая,
Будет пахнуть письмо ненастным днём...

Хорошо уезжать от туманного мая,
Тяжело опускать письмо под дождём.

Расплылись все буквы, словно от слёз,
И клятвы прощанья кажутся бесплодней...
Стало сердце холодным, словно сегодня
Встречный поезд на Север всю нежность увёз.

У МОРЯ НА СЕБЕРЕ

Здесь даже осенью зелена трава,
Словно едкая краска ярь-медянка.
Ледяную росу роняет листва,
Если в лес войти спозаранку.

Приносит озноб закат лиловатый,
Дымятся в сумерки кочки болот.
На столбах у пристани флаги сняты,
По заливу плавает ранний лёд.

И милей полей стали стены,
Тороплюсь зажигать лампу рано...
Ах, в последний раз вопль сирены
Этой ночью звал — плыть в туман!

Умирай, Золушка, умирай, милая,
Тут тебе не место на улицах города,
Тут надо быть смелой, дерзкой и гордой,
Тут нужна сила, пойми, сила!

Умирай, Золушка, нет воскресенья.
Романтичной тенью незачем бродить.
Наберусь мужества, наберусь терпенья —
Может, удастся её пережить?

УХОДЯЩИЕ ПОЕЗДА

Туман мутный над городом встал
Облаком душным и нетающим.
Я пойду сегодня на вокзал,
Буду завидовать уезжающим.

Буду слушать торопливые прощанья,
Глядеть на сигналы сквозь туман
И шёпотом повторять названья
Самых далёких стран!

Заблестит над рельсами зелёный сигнал,
Как яркая южная звезда...
Я пойду сегодня на вокзал
Любить уходящие поезда.

ХОЛОДНО

Я жду неожиданных встреч —
Ведь ещё не прошёл апрель,
Но всё чаще мне хочется лечь
И заснуть на много недель...

Мосты, пароходы, всё встречное,
Как с видами мёртвый альбом,

И с набережной приречной
Всё тянет ледяным холодком.

Я жду неожиданных встреч,
Но так сер северный апрель...
И всё чаще мне хочется лечь
И заснуть — на много недель.

ШУТКА

Чёрным ходом, по лестнице длинной,
Я пришла наниматься в бонны.
Распахнув занавески зелёные,
Вышла дама из стильной гостиной.

Говорила так плавно и звонко
(Было правилом каждое слово!),
Как мне надо лелеять ребёнка,
Ребёнка — мне чужого.

И выпытывать стала искусно,
Где мой дом, кто отец и семья,
И сказала — как стало мне грустно! —
Чтоб ко мне не ходили друзья.

И мне этого было довольно,
Я ушла, поклонившись даме.
Я пришла лишь изведать, больно ли
Быть служанкой в богатом доме.

Я по лестнице, грязной и липкой,
Возвращалась в томлении жутком

И шептала с печальной улыбкой:
Как легко себя ранить шуткой...

В КРЫЛАТЫЙ ВЕК

Я доживу до старости, быть может,
И не коснусь подножки самолёта, —
Как будто он не мною прожит —
День торжества над Тягою земной!
Я доживу до старости, быть может,
Не видя сверху башни — ни одной!

И вниз земля не уплывёт от взора,
И не забьётся сердце в такт мотору,
Надоблачного не увижу кругозора,
Ни на миг от земли не оторвусь...
Какая грусть, Боже, какая грусть!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Мария Моравская

НАДОЕЛО

Кто ты? Бархатный медведь?
Ну и спи в покое!
А мне хочется иметь
Что-нибудь живое.

Надоели куклы все,
Поезд мой мудрёный.
Словно белка в колесе,
Вертятся вагоны.

Пискнул птенчик заводной
Так противно-тонко...
Уберите всё долой,
Дайте мне котёнка!!!

МЕДВЕЖАТА

Много странного на земле,
Чудеса как из ушата.
Ты подумай: в феврале,
В снежном, вьюжном феврале,
Рождаются медвежата.
Ни травы, ни ягод нет,
А они пришли на свет.

И мне кажется порой,
Что под шубкой снеговой
Потеплела вся земля
С половины февраля.
И всё дальше час заката
Оттого, что там, в берлогах,
Меж дубов и елей строгих,
Рождаются медвежата.

МЕЧТЫ

Обижают меня постоянно...
Убегу в африканские страны,
Где пахучие зреют бананы,
Где катают детей на слонах.
Доберусь я до мыса Нордкапа,
Превращусь непременно в арапа,
Заведу себе лук и верблюда
И уже не приеду оттуда,
И домой никогда не вернусь. Пусть!
Ну, а как же я буду в апреле
Без базаров на Вербной неделе?
Жалко также и новых коньков:
Там, пожалуй, не будет катков...
Жалко маму, котёнка и братца.
Нет, уж лучше остаться...

ПЛЕННЫЙ ОХОТНИК

Я — полковник краснокожих.
Разве я стрелял в прохожих?
Я ведь в буйвола стрелял!
Ну, и в барышню попал.
В детской заперли меня

Одного и без огня.
Верно, выпустят не скоро...
А потом ещё укору:
«Ах, как стыдно! Ах, как гадко!
И зачем тебе рогатка?»
Тихо скину мокасины,
Обвяжусь верёвкой длинной
И спущусь с окошка в сад —
Пусть бранят...

НЕУДАЧА

Над рекой заливаются зяблики
Тоненькими голосами...
Я спускаю на воду кораблики —
С парусами!
Но лягушки мешают их плаванью,
Вечно прыгают в воду: «Бах, бах!..»
И веду я кораблики к гавани,
Чтоб они не погибли в волнах.
И стоят неподвижно кораблики...
А вверху, меж зелёных ветвей,
Надо мной издеваются зяблики:
«Что, не можешь пускать кораблей?..»

Ирина Антонова

БАБОЧКА

КУКОЛКА

Зелёная рогатая Гусеница сидела на берёзе, на двенадцатой от вершины ветке, и завтракала.

Ветерок налетел неожиданно. Зашумел в ветвях, захопал резными листочками и стал клонить берёзу к земле.

Гусеница, как ни старалась, не смогла удержаться на глянцево́м листе и соскользнула вниз. Падение было недолгим, а приземление мягким. Она угодила в раскинутую между зверобоем и можжевельником кустом паучью сеть. Сеть спружинила, как батут, но не подкинула гусеницу к небу, а немного покачала и успокоилась.

Гусеница огляделась. Рядом на можжевельнике, подставив спину солнцу, грелась большая серая Муха. Потирая лапки, она равнодушно предупредила беднягу:

— Сейчас вернётся Паук и тебя съест.

— А я убегу, — легкомысленно ответила Гусеница и попыталась приподнять одну ножку, другую, третью... Но не тут-то было. Липкая паутина крепко держала её. И Гусеница испугалась.

А Муха продолжала задумчиво перебирать лапками можжевельниковые иголки. Казалось, чужая беда её не трогает. А что? Она ведь уже сделала доброе дело — предупредила о появлении хозяина. Дальнейшее её не касается...

Нужно было спасаться. И Гусеница, недолго думая... превратилась в блестящую тёмно-коричневую куколку.

БОМБА

Паук возвращался домой хмурый, потому что на соседнем кусте чертополоха Лось опять порвал его сеть. У настоящего паука-хозяина обычно несколько сетей. Одна основная — это собственно и есть дом — и ещё несколько других, которые его и кормят. И вот теперь одна из них снова была порвана.

Паук сердился, хотя и понимал, что Лось не нарочно, что огромному зверю трудно разглядеть в разнотравье маленькие прозрачные ловушки, но всё равно было обидно.

Паук ступил на край дома-сети и почувствовал, как она тяжело запружинила под каждой лапкой. Необычная добыча покачивалась в паутине. Такого улова у него ещё не было.

Паук приблизился, потрогал прохладный продолговатый предмет и ощутил под лапкой: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

— Бомба! — ахнул он. — С часовым механизмом! — И шёпотом завопил: — Караул! Спасайся, кто может! Сейчас рванёт! — и забился от страха под листок зверобоя.

Время шло. Но всё было тихо. Лишь по обыкновению сухо трещали кузнечики да монотонно гудели над цветами пчёлы.

Муха на можжевеловой ветке двумя лапками старательно протёрла свои серебристые глаза и укоризненно сказала:

— Нельзя же так из-за порванной сети расстраиваться.

Паук опасливо выглянул из-под листка и шёпотом попросил:

— Говорите, пожалуйста, тише. А то от вашего громкого голоса детонатор на бомбе сработает.

Муха подозрительно огляделась вокруг.

— На какой бомбе? — спросила она.

— Тише, — взмолился Паук. — Видите вон ту штуку в центре паутины?

Муха многозначительно повертела лапкой возле виска и снисходительно сказала:

— Вижу. И что? Недавно там была Гусеница. Но она испугалась вас и превратилась в куколку.

— Ну да! — не поверил Паук. — А почему тукает? — И он осторожно выглянул из-под листка, проверяя, там ли ещё продолговатый коричневый предмет, так его напугавший.

— Это у неё бьётся сердце, — пояснила Муха и отвернулась.

Паук приложил лапку к своей груди и почувствовал: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Похоже. И он снова спрятался в укрытии под листом зверобоя.

Муха бесстрашно сидела неподалёку от бомбы и позёвывала.

Тогда Паук осмелел и вылез наружу. Осторожно подкрался он к куколке и слегка куснул её. И чуть не сломал зубы о твёрдую блестящую оболочку! Паук вскрикнул от боли и призадумался. Наконец он решил: «Ну и ладно. Вот вылупится из неё бабочка, тут-то я её и съем».

ЛОСЬ

Вскоре Паук привык к куколке. Она ему даже нравилась. Туканье перестало пугать, хотя в ночной тишине оно порой казалось оглушительным. Соседние ловушки Паук стал навещать реже. Прибежит, наскоро проверит улов, подтянет ослабшую нить и назад, домой к куколке.

Видя это, большая серая Муха, которая изредка посещала можжевельниковый куст, неизменно произносила одну и ту же фразу:

— Нянчишься? Ну-ну. Поглядим, что из этого выйдет.

Вечерами перед сном Паук часто думал: «Интересно, какая из неё выйдет бабочка? Хорошо бы — большая, чтобы сразу наестся. А крылышки можно оставить себе — полетать, мир посмотреть».

Паук летал в своей жизни только один раз, осенью, да и то в детстве. Тогда мама разорвала их дом-паутину

на тысячу клочков и отправила его, братьев и сестёр в жизнь, каждого на своём лоскутке. Лететь было страшно. Паучок крепко зажмурил глаза и почти ничего не видел вокруг, желая поскорее приземлиться.

Другое дело сейчас. Он ни за что бы не испугался. Летел бы себе и летел, любуясь окрестностями. Может, присмотрел бы для дома поляну получше, хотя и здесь ничего — между можжевельным кустом и зверобоем. Вот разве что лоси...

Так в мечтах прошла сначала одна неделя, потом — другая. Паук терпеливо ждал.

Однажды Паук услышал оглушительный треск: по лесу шёл сохатый.

Паук едва успел юркнуть в можжевельный куст, как сеть, на которой он только что сидел, облепила косматую морду зверя. Лось недовольно фыркнул и помотал головой. Куколка оторвалась от липкой паутины, перекувыркнулась несколько раз в воздухе и упала на тропинку, под самые копыта Лося.

Паук из своего можжевельного убежища с ужасом увидел, как широкое, как клешня, копыто нависло над его куколкой. В глазах у Паука потемнело, затем вспыхнули яркие колючие светляки и поплыли, превращаясь в размытые пятна.

— Только не это... — едва прошептал Паук и потерял сознание.

Он свалился с куста и повис, медленно раскачиваясь, как маятник, на багровой от заходящего солнца паутине.

ЧУДО

Когда Паук очнулся, Лось давно уже прошёл мимо. А бедняга всё висел вниз головой на паутинке. Занима-

лась заря. Всё вокруг просыпалось. Начинался новый летний день.

Большая серая Муха, сидя на кусте можжевельника, протирала запотевшие за ночь глаза.

— Это что, новая мода — спать вниз головой? — спросила она, заметив, что Паук пошевелился.

— Моя куколка! — прошептал бедняга, с ужасом припоминая вчерашнее.

— Что ей сделается-то? — хмыкнула Муха.

А куколка, и правда, целая и невредимая лежала на подсыхающей от росы земле прямо под носом у Паука.

Он увидел её и очень обрадовался! Но, приблизившись, Паук вдруг обнаружил на блестящей полированной поверхности оболочки куколки широкую трещину. И испугался.

— Всё пропало! — воскликнул он. — Лось на неё наступил! Бедная моя! — рыдал Паук. — Я так и не узнаю, какая бабочка в тебе скрывалась.

— Терпеть не могу нытиков! — пробормотала Муха и улетела по своим делам.

Паучьи слёзы собрались в ручеёк и потихоньку просочились в трещину на оболочке куколки. То ли от сырости, то ли от того, что слёзы были солёными, — не известно, — только внутри куколки произошло какое-то движение. Трещина стала увеличиваться. Из неё показалась рогатая голова. Затем — прижатые к спинке усики, лапки, маленькие сморщенные крылышки и, наконец, длинное мохнатое брюшко. На свет выползло совершенно нелепое существо.

БЕГЛЯНКА

— Ура! — мигом прекратив реветь, закричал Паук. — Свершилось чудо! Моя дорогая куколка! — и, не раздумывая, полез обниматься.

— Вы кто? — отстраняясь, спросило существо. Впрочем, сопротивлялось оно не сильно, потому что ещё не до конца проснулось.

— Я твой друг! Я тебя нянчил и охранял! Я спас тебя от вредящего Лося! Он хотел тебя растоптать своим огромным копытом. А я не дал! — тараторил Паук, слегка привирая. Радость переполняла его — ведь куколката, его куколката цела! И даже превратилась в бабочку!

— Значит, ты мой друг. А я кто? — спросило существо. Оно стало делать нехитрую зарядку — то сложит крылышки, то раскроет, то слегка помашет ими. Те потихоньку расправлялись.

— Ты — бабочка, — ответил Паук, разглядывая незнакомку.

— Значит, я — Бабочка. Ты — мой друг. А Лось — вредящий? — кокетливо взмахивая крылышками, уточнила Бабочка.

— Ещё какой вредящий! — подтвердил Паук. — Он мои сетки рвёт.

— А зачем тебе сетки? — поинтересовалась Бабочка.

Паук примолк и с ответом не спешил. Он призадумался: если сказать правду — Бабочка испугается и улетит. Останется он, как и прежде, один. Не о ком тогда будет заботиться и не с кем дружить. Не с Мухой же, в самом деле!

О том, что когда-то он мечтал Бабочку съесть, Паук теперь и не вспоминал. Он смущённо прокашлялся и сказал:

— Я... я... я гамаки плету! В них разные мушки, букашки, как на качелях, качаются...

— Здорово! — обрадовалась Бабочка, и в её огромных круглых глазах заиграли переливчатые радуги. — А меня покачаешь?

— Конечно, — пообещал Паук. — А ты будешь со мной дружить?

— Буду, раз ты меня спас, — улыбнулась Бабочка.

Между тем крылышки её расправились, натянулись, как корабельные паруса, и затрепетали. Бабочка резко взмахнула ими и вдруг перенеслась с земли на стебель цветка. Ещё взмах — и она уже красуется на жёлтом глазке ромашки. Взмах — и Бабочка, приплясывая, понеслась над поляной, поднимаясь всё выше и выше, улетая всё дальше и дальше от того места, где сидел растерявшийся Паук. Наконец она влилась в общий танец луговых бабочек и затерялась среди них.

— Эй, эй! — опомнился Паук. — Ты куда? А как же гамаки? Как же наша дружба?

Он ловко, как матрос на мачту, взобрался на самую верхушку зверобоя, огляделся и понял, что отличить свою Бабочку от прочих не сможет. И с досадой воскликнул:

— Вот глупая! Потеряется!

Паук мигом сообразил, что нужно делать, и принялся за работу. Он соткал белый кружевной платочек. Едва удерживаясь на качающейся под его тяжестью верхушке зверобоя, начал призывно махать и кричать:

— Эй, Бабочка! Сюда, сюда! Я здесь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бабочка появилась только к вечеру. К этому времени Паук совсем уже охрип от крика и потерял надежду увидеть беглянку. Его кружевной платок одиноким флагом развеивался на вершине зверобоя, а сам он угрюмо сидел в новой накрепко сотканной паутине.

— Вот и я, — беззаботно сказала Бабочка, устраиваясь рядом с платком. — Летала, летала — ах, как чудес-

но летать! — и устала. Тут я увидела кружевной платок и вспомнила о тебе, о том, как ты рассказывал про свои гамаки. И захотелось мне в одном из них покачаться.

— Что ж! — хмуро сказал Паук. — Садись, — и показал на сеть.

Бабочка легкомысленно слетела в неё, сложила крылышки и, убаюканная лёгким покачиванием, мигом уснула. Во сне она восторженно бормотала: «Ах, цветы! Ах, пыльца! Ах, нектар!»

А Паук всю ночь размышлял. Недовольно ворчал, передразнивая: «Ах, цветы!.. Ах, нектар!.. Вот наступит утро, и она вновь улетит. Вдруг насовсем?! Нет уж! Не отпущу!»

Паук взял да и примотал крепко-накрепко лапки и брюшко Бабочки к паутине.

ПЛЕННИЦА

Наутро Бабочка попыталась сначала потянуться, а потом и взлететь. Но ничего у неё не вышло! Тогда она позвала:

— Друг! А друг!

— Я здесь, — откликнулся из можжевельового куста Паук. За всю ночь он ни разу не сомкнул глаз. И от этого был сильно не в духе.

— Я не могу взлететь, — пожаловалась красавица. — Кто-то держит меня за лапки и за брюшко.

— Это я держу, — признался Паук.

— Ты? Но зачем? — удивилась Бабочка. — Мне хочется кружиться и порхать над цветами с такими же бабочками, как и я.

Паук совсем помрачнел.

— Затем и держу, чтобы ты не улетела. А то, что же это за дружба, когда ты меня одного на целый день оставляешь?!

Бабочка ещё раз дёрнулась и, смирившись, затихла.
— А я тебя, между прочим, нянчил! — в голосе Паука послышался упрёк.

— Знаю, — тихо ответила Бабочка.

— И от вреднящего Лося спас! — напомнил Паук.

— Спасибо, — прошептала Бабочка.

— А за это я требую, чтобы ты со мной дружила! — воскликнул Паук.

— И как же мы будем дружить? — спросила Бабочка.

— А вот как: я буду и дальше о тебе заботиться... кормить... качать в гамаке...

— А я? Что буду делать я?

— Ничего. Это я буду исполнять все твои желания, — пообещал Паук. — Скажи, чего ты хочешь?

— Летать! — взмолилась Бабочка.

— Это я уже слышал! — рассердился Паук. — У тебя что, других желаний нет?

— Не знаю, — честно призналась та.

— Может, цветочного нектара хочешь? — подсказал Паук.

— Может, — безразлично согласилась Бабочка.

— Вот это другое дело! — обрадовался Паук. — Добудем! — И, быстро-быстро перебирая лапками, заскользил с листка на листок.

ВЕДЁРКО НЕКТАРА

Паук выбрал самый красивый цветок. Он взобрался на купол большого синего колокольчика и стал терпеливо ждать. Вскоре прилетела Пчела. Она деловито забралась внутрь медоноса, загудела там, словно пылесос, собирая в небольшое ведёрко душистый нектар.

Пауку только того и надо было. Пользуясь тем, что Пчела занята и ничего вокруг не замечает, быстро зап-

лёл вход в колокольчик ячеистой паутиной. И Пчела оказалась в ловушке.

Она увидела это, лишь когда наполнила ведёрко и собралась выбраться наружу. Тут её и поджидал сюрприз. Вернее Паук. Он сидел по ту сторону крепкой решётки и ухмылялся. Это была неслыханная дерзость! Пауки никогда раньше не нападали на пчёл. Поэтому Пчела чуть не задохнулась от возмущения.

— Что за новости?! — воскликнула она. — Чего тебе надо?

— Отдай ведёрко с нектаром, тогда выпущу! — сказал ей Паук.

— Ещё чего! — возмутилась Пчела. — Разве это ты летал за тридевять земель? Разве ты отыскивал среди сотен цветов самые медоносные? Разве ты собрал нектар?

— Ну, и сиди себе взаперти, — спокойно ответил Паук и спрятался на куполе колокольчика.

Пчела ухватилась лапками за частые прутья решётки и попыталась их расшатать. Да лишь накрепко к ним приклеилась.

— Эй, Паук! — позвала она. — Скажи, зачем тебе нектар? Ведь пауки им не питаются.

— А мне для друга, — свешивая голову с голубого купола, охотно объяснил Паук.

— Для друга мог бы и сам собрать, — проворчала Пчела.

— А я не умею, — простодушно сообщил Паук.

Пчела призадумалась, потом посмотрела на цветочные часы и забеспокоилась.

— Так и быть, забирай, — вздохнула она. — Только само ведёрко я тебе не отдам. Мне за него в улье отчи-

тиваться надо. Перелей нектар во что-нибудь да выпусти меня поскорей. Я ведь на работе! Мне теперь из-за тебя двойную норму нектара собрать придётся.

— Я мигом! — обрадовался сговорчивости Пчелы Паук. И соткал из паутины плотный объёмистый котелок.

КАПРИЗНИЦА

Домой Паук добирался долго. Ноша была тяжёлой, да и обращаться с ней надо было осторожно, чтобы не потерять ни единой капельки. Наконец он поставил перед Бабочкой полный котелок душистого нектара.

— Вот, принёс. Самый свежайший, — гордо сообщил он.

Бабочка погрузила в нектар хоботок, сделала несколько крохотных глотков и снова свернула хоботок в тугую спиральку.

— Не нравится? — забеспокоился Паук.

— Нет, — вздохнула Бабочка. — Какой-то он горький. Словно полынь.

— Что ты! Какая полынь? — забормотал расстроенный Паук. — Он из колокольчика. Пчела в этом разбирается... Может, надо было из другого цветка?

— Вчера, когда я летала, я попробовала нектар всех цветов. Из колокольчиков тоже. И всюду он был сладкий и ароматный.

Паук сунул палец в котелок и осторожно лизнул. Напиток был густым и таким приторным, что перехватывало горло.

— Ну, ты и привереда! — возмутился он. — Просто капризница!

— Наверное, у меня нет аппетита, — предположила Бабочка. — Когда я вчера летала...

— Да что ты заладила: «летала, летала»! — рассердился Паук. — Я тоже летал... в детстве... Ничего в этом хорошего нет! Страх один!

— А вот и нет! — оживилась Бабочка. — Сверху поляна выглядит такой... такой...

— Какой? — съязвил Паук.

— Словами не передать, — заулыбалась своим воспоминаниям Бабочка и затрепетала крыльями. — Это надо видеть!

— Видеть, видеть! — раздосадованно закричал Паук и нервно забегал взад-вперёд по паутине. — Как я могу это увидеть, если летать не умею! Да и крыльев у меня нет!

— Как нет крыльев? — Бабочка впервые с интересом оглядела Паука. — Но ты же сказал, что ты мой друг! У всех моих вчерашних друзей были крылья. То есть, я хотела сказать, у тех, с кем я летала, — поправилась Бабочка.

— А у меня их нет! — совсем разнервничался Паук и спрятался в можжевельниковый куст.

— Эй, — позвала Бабочка. — Что ты так расстроился? Паук не ответил.

— Мы же друзья. Давай вместе что-нибудь придумаем, — уговаривала его Бабочка.

— Что? — с надеждой спросил Паук и выглянул из куста.

— Ну, например, ты заберёшься ко мне на спину, и мы полетим вместе, — предложила пленница.

— Ага, только она полетит к небу, а ты к земле! — вклинилась в разговор невесть откуда взявшаяся Муха.

— Нет уж, спасибо! — сказал Паук и снова спрятался.

Молчание длилось долго. Бабочка сидела неподвижно, замерев на месте. Муха потирала лапки. А Паук и носа из куста не высовывал.

Наконец Бабочка ожила. Она радостно взмахнула крыльями, забила в паутине, так что опрокинулся котелок с нектаром, и тяжёлые медовые капли янтарными нитями потянулись к земле. Бабочка закричала:

— Друг, ты где? Я придумала!

КРЫЛЫШКИ

Паук мигом вынырнул из укрытия.

— Что ты придумала? Говори скорее! — затараторил он.

— Я заметила, что ты искусный ткач, — улыбнулась Бабочка. — Вон какой платочек соткал, да и котелок такой не каждому смастерить под силу.

— Да, — засмутился польщённый Паук. — Это я могу. И что?

— А то! Сотки себе крылья, — сказала Бабочка.

— Ба! Да как же я сам не додумался?! — обрадовался Паук, но тут же сник. — Смастерить крылья — пара пустяков. Но пользоваться-то я ими не умею.

— Не беда. Я научу, — успокоила Бабочка. — Ты же мой друг!

— И я смогу летать? — не поверил Паук.

— Конечно, — обнадёжила Бабочка. — Не хуже меня.

И Паук принялся за работу. Он был шустрым и работающим, поэтому вскоре перед ним лежали кружевные белоснежные крылышки.

— Отличные! Мне нравятся! — похвалила Бабочка. — Их можно оставить белыми, а можно сделать и цветными.

— Как? — спросил Паук. Ему очень нравились разноцветные крылья бабочек павлиний глаз. Вот бы и ему такие — с яркими, цвета неба, зрачками.

— Если я слетаю на луг и принесу цветочной пыльцы, мы сможем их раскрасить, — сказала Бабочка.

Паук колебался: отпускать Бабочку или нет. Вдруг возьмёт и не вернётся. Да тут ещё Муха подзуживала:

— Как же, принесёт она тебе пыльцу. Смоется — только её и видели!

«Ладно, — наконец решился Паук. — Крылья у меня уже есть. Если что — Муха поможет, она на моей стороне, и я верну беглянку домой!»

Он распутал на пленнице паутину. Бабочка на радостях чмокнула Паука в макушку и полетела собирать для новых крылышек украшение.

ПОЛЁТ

Паук стал ждать её возвращения. Но он не просто ждал, а тренировался: то складывал, то раскрывал крылышки, которые так превосходно разместились на его мохнатой спине.

С каждой минутой он чувствовал себя всё увереннее. Вдруг Паук взял да и подпрыгнул. Застучали быстро-быстро друг о друга крылышки, но Паук не взлетел, как ожидал, а шлёпнулся назад, в паутину. Следующая попытка вновь оказалась неудачной. Но Паука это не остановило.

Он долго бы ещё упражнялся, но тут вернулась Бабочка, да не одна, а с двумя нарядными подружками. И у каждой — полные горсти разноцветной пыльцы. Бабочки старательно раскрасили паучьи крылышки. Теперь они выглядели совсем как настоящие.

— Скоро мы полетим? — торопил подружек Паук, переступая всеми восьмью лапками. — Я без вас зря время не терял, — и он продемонстрировал свои успехи. —

Правда, взлетать я ещё не научился, но думаю, вы мне поможете!

Бабочки согласно закивали усиками и протянули Пауку лапки.

— Держись! — задорно крикнули они.

Паук крепко держал бабочек за лапки, и они, легко взмахнув крыльями, подняли его вверх.

И паучья сеть, и зверобой, и можжевеловый куст стремительно удалялись, уменьшались, теряясь где-то внизу. Паук, как и тогда в детстве, в первый свой полёт, испугался и зажмурился. Он повис между бабочками, а его беспомощно сложенные крылья лишь тормозили полёт. Паук был тяжёлый. И вскоре все три бабочки начали уставать.

— Маши крыльями! Помогай нам! — взмолилась его подруга. — Иначе мы уроним тебя.

Паук вытаращил глаза и отчаянно заработал крыльями. Лёгкий ветерок подхватил его, и дело пошло на лад. Теперь бабочки не тащили его, а лишь слегка подталкивали.

Паук даже осмелился посмотреть вниз. Поляна поразила его: так много разных цветов и трав росло на ней. Оказалось, что кроме зверобоя и можжевельника на свете есть множество других прекрасных уголков. Кто бы мог подумать!

Между тем бабочки решили: «Пора!» — и расцепили лапки. Паук испугался, сложил крылья и, кувыркаясь в воздухе, полетел к земле.

— Маши! Маши! — закричала Бабочка, догоняя друга.

Паук послушался. Вскоре полёт его выровнялся. Он почувствовал себя увереннее.

— Ура! Получилось! — закричал Паук. — Летать здорово!

— Ура! — эхом отозвались бабочки, и послушная ветерку пёстрая компания вскоре затерялась на жужжащей, стрекочущей, звенящей от солнца и тепла лесной поляне.

КОЛЯМБА, ВНУК ОДЕЖДЫ ПЕТРОВНЫ, И ВСЯ ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

ЗИМА ВЕРНУЛАСЬ

А кто воспитывал пещерного человека, который в звериной шкуре бегал за едой по дремучим лесам, а еда огромного роста страшно рычала и сама хотела его съесть? Всю дорогу об этом думаю. С моим мужем Юрой подпрыгиваем в машине по колдобинам и ухабам, мобильник у меня в кармане, ноутбук на коленях, и какой-то воспитанный пещерный человек скачет во мне от радости, что вырвался из города на природу. Я люблю этого пещерного предка. Он победил и выжил, и всё ему интересно!

Как только мы с Юрой приедем в деревенский дом за сладким одиночеством, тишиной и покоем, тут как тут на подоконнике нашей кухни Колямбина голова с вопросом:

— А вы скоро уедете?

Колямба — наш сосед. Он живёт с бабушкой в одной половине дома, а другую мы недавно купили. Колямба пока ростом мал, и когда он заглядывает к нам со двора, его плечи не видны в окошке. А причёска у соседа — как обычно в книжках князьям и принцам рисуют: кудри едва не до плеч. На Колямбиной голове они вечно сбиты-перевиты, потому что волосы ему причёсывают ветер или кусты репейника: прямая дорога — не его путь.

Аккуратно застёгнутым на все пуговицы и даже пахнущим духами for men Колямбу можно увидеть только по субботам, когда за ним на чёрном джипе прикатывает отец, чтобы отвезти на занятия к репетиторам для поступления в суперпупергимназию. А вечером поумневшего Колямбу возвращают бабушке на откорм натуральными творогом и сметаной. До первого класса Колямбе почти год остался, у бабушки он сил набирается. Дышит кислородом! Вот так!

— Всё у вас какое-то странное! — говорит Колямбина голова с подозрением. А глаза Колямбы, голубые и многоумные, невозмутимо уставлены в потолок. Но смотрят они в разные стороны, по-стрекозиному. — Шкаф какой-то ненастоящий. Сами раскрашивали?

— Сами, Колямба, сами, — ворчит муж. Он три дня расписывал узорами этого деревянного ветерана, который достался нам в наследство от бывших хозяев. — Вон дверка ещё пустая. Возьми, Колямба, краски, развивай воображение!

Но Колямба продолжает дальше вести осмотр нашего жилья.

— И кошка у вас какая-то странная, — уличает он. — На недокормленного поросёнка похожа. Вы её сами брили?

И это про нашего кота Захара — петербургского сфинкса! Ну да, вид у него непривычный: на розоватом тельце — ни волосинки, только хвост мохнатится, а уши — как маленькие крылья. Но если друзья вручили Юре на юбилей такую раздетую душу, стынущую от каждого сквозняка, что с ней делать? Только любить.

— Погладь Захарку, — говорю, — погладь, он тёплый.

— Вы его гулять не выпускайте, когда солнце жа-

рит, — советует Колямба. — А то обгорит и станет, как ошпаренный.

Нате вам, какие познания, прямо из инструкции по уходу за сфинксами.

— И ворона у вас тоже странная!

Ворона сидит на берёзе, целит клювом на ключи от машины, оставленные на веранде. Вся белая, на солнце будто прозрачная, как сосулька. Клюв у неё — словно из банки со сметаной вытащила. И лапы не чёрные, как у обычных ворон, а розовые. Ни у кого такой нет, а в нашем дворе на берёзе она гнездо свила. Мы её подкармливаем сыром и салом. Ворона склёвывает кусочки прямо из рук.

Мне обидно за неё стало.

— И вовсе она не странная, — говорю. — У неё имя есть — Зима, — это я на ходу придумала.

— Зимаааа? — протянул Колямба и пошёл в задумчивости.

Юра дух перевёл, шкафчик погладил, там, где его узор веселится. А я стала Захара кормить. Позвала на улицу — на свежем воздухе обедать вкусней — и поставила под берёзу миску с отварной треской. Захар не спеша потрусил к миске, на меня оглянулся — будто сказал «спасибо». Лопает и помуркивает. Какой же он поросёнок? И ворона рядом уселась. Клювом жабо на груди как бы невзначай прихорашивает.

Захар — кот деликатный. Поморгал на неё левым глазом, поморгал — и отвалился на бок. Угощайся! Ворона сразу тук-тук-тук — приковыляла — и давай треской лакомиться.

Задружились они с Захаром. Утром он выйдет на крыльцо и глазом на берёзу: тут ли ворона? А Зима приветствует во всё горло: «Карrrrrr! Тррреска скорrrro?»

Они даже гуляют вместе. Вскочит Зима на забор, снайперски клюнет щеколду — та и отъедет в сторону, Захарка передними лапами толкнёт вольную калитку: гуляй, душа!

Захар в траве трусит, а рядом Зима подпрыгивает, иногда подлетает. Ну и зрелище: безволосый кот и белая ворона... Местные бабушки решили, что наши голубчики — жертвы тайных испытаний химического оружия. И, завидев их, всей завалинкой три раза плевали через плечо, чтобы на них самих порча не перекинулась.

Мы очень волновались за нашего Захара. Думали, местные кошки его на смех поднимут: жених-то голый. Соберутся толпой — и бац Захара по усам.

Но вышло совсем по-другому.

Как-то Захар и Зима выбрали для прогулок путь мимо чёрной козы с рогами-кинжалами. К ней всё население Масловки обращалось со словами «Собака какая», хотя официальная кличка у неё была Матроска. Хозяйку козы Наумовну несколько раз предупреждали, чтобы она не выпускала бодливое животное на поляну рядом с деревенским магазином, самым популярным местом Масловки. Наумовна сажала утром козу на цепь за полкилометра от деревни, а та всё равно умудрялась избавиться от «якоря» и уже к обеду трясла бородой неподалёку от сельмага. Поджидала, кого бы забодать! Есть у меня догадка, что Собака Какая жаждала общения: уж очень Наумовна была молчалива и неласкова. Но из-за сурового воспитания коза не решалась выразить своё желание более дружелюбно.

Так вот, в тот злополучный день она вновь надеялась завязать дружбу, а Захар и Зима как раз прогуливались в её сторону. В эту минуту из сельмага вышли Колямба

и его приятель Виталька. Они уплетали эскимо, не подозревая об опасности. «Двое! Ещё лучше!» — Коза едва не прослезилась от радости. И стала бесшумно подкрадываться с тыла. «Оп-ля!» — скомандовала себе Собака Какая и ласково боднула Колямбу. Виталика она нежно лягнула левой задней ногой. Не смекнув, что это было приглашение: «Давай дружить!», Колямба и Виталька бросились наутёк. А коза вдруг споткнулась и грохнулась плашмя в крапиву. Правда, подстилкой ей послужил бедный Захар, который от ужаса сам же и бросился под козу.

Ополоумевший сфинкс выскочил из-под козы и изо всех сил вцепился ей в спину когтями. На ноги Матроска взметнулась уже с голым всадником и дунула с места происшествия, не разбирая дороги. Ну кто же так бежит? Через несколько прыжков её поджидала траншея, выкопанная незнамо кем и для чего. Коза благополучно плюхнулась в неё, и даже рога оттуда не торчали! Вместе с козой на дно глубокой ямы приземлился и наш зарумянившийся от жизненных передряг Захар.

...А Колямба, вернувшись с прогулки, отправился собирать малину, росшую возле дома. Тогда и заметил, что ворона Зима летает вокруг дома, что-то высматривая. Вдруг спикировала за сарай, а через минуту вновь вознеслась в небо. И со всех крыльев ринулась куда-то с добычей в клюве. Колямба приставил к глазам кулаки «биноклем» и успел разглядеть: это был мышонок. А уж когда ворона понесла второго мышонка, бросил корзинку и побежал следом. Недалеко было...

— Вороны — это земные кашалоты, потому что такие же мудрые, — просвещал он нас вечером, бурля чаем в кружке. — У кашалотов мозг весит семь килограммов

восемьсот граммов, а у вороны — всего пять граммов. Но если ей мозга не хватает до чего-нибудь додуматься, у неё про запас есть доброта. Зима мышек в траншею кидала! Чтобы Захар от голода не умер. Знаете, как они с Матроской там плакали? «Уи-ую» и «ююю»! Одни-одиношеньки. Я эту траншею хорошо знаю. — Тут Колямба покосился на бабушку, но, поняв, что сегодня он — герой, ему всё сойдёт с рук, живо продолжил: — И там с одной стороны можно спокойненько спуститься, прыгать не надо. Захар сам на плечо мне забрался, по штанине. Он тоже умный, как кашалот. А козу ещё уговаривать пришлось за мной идти. Я ей: «Собака Какая, кусь-кусь, фють-фють!» Но она ласковых слов совсем не понимает. Хорошо, у меня с собой морковка была. На неё и выманил.

Весь остаток дня коза уже в загоне на дворе у Намовны надрывала нам души беспрестанным беканьем. Успокоилась лишь, когда её навестили Колямба с Виталькой, погладили по голове меж рогов-кинжалов, пообещали ещё захаживать.

Кот Захар и ворона Зима после этого ЧП ещё больше сдружились. Но со двора — ни лапой, ни крылом.

Дела позвали нас с Юрой в город. А когда в деревню вернулись, сразу поняли: пропала Зима.

Захар сидит на диване грустный, к миске на улицу не выходит — смысла в этом не видит.

Как только Колямба нарисовался, мы — к нему с расспросами. А он только руками разводит, насупился. Так и уехали ни с чем.

Уже осень наступила. Думаем, съездим ещё в деревню, вывезем последние банки с огурцами, чтобы хрустеть ими в городе зимними вечерами. Подпрыгиваем с

Юрой в своей машине по деревенским колдобинам, а на душе грустно. Ветер нудит, деревья скучные, серые домишки прищурились, в спячку впадают, даже деревянные ромашки на воротах будто увяли.

Ещё и ворона не ждёт нас во дворе.

Вошли в холодный дом, только сумки поставили, а в окошко Колямба стучит.

— Зима вернулась! — кричит.

А за ним снежный пух летит. На кудрях Колямбы, выбившихся из-под синей шапки, снежинки вздыхают. И на берёзе, на сарае, подстылых лужах — везде вздыхают и подпрыгивают белые комочки, будто нахохленные крошечные птички. А ладошки у Колямбы красные, даже через окно чувствуется, что холодные, наверное, уже первые снежки лепил.

Как же мы с Юрой зиму просмотрели?

— Зима вернулась! — не унимается Колямба.

После чая с козинаками он на пустующей дверке шкафа нарисовал белую ворону с розовыми лапками. Нарядную, весёлую, каркающую. Похожую на снеговика.

Когда Захар это увидел, заголосил человеческим голосом. Так и сидели друг напротив друга — живой голый сфинкс и нарисованная белая ворона.

А по деревне прыгали-порхали крошечные белые птички.

ОДЕЖДА ПЕТРОВНА

Бабушка Колямбы Надежда Петровна славилась на всю Масловку прежде всего щедростью, а уж потом ростом под два метра и громоподобным басом. Если она затевала блины, кружевные да с припёком из лука и яйца, то угощала всю улицу. Если грибы солила, то угольно-чёрными груздями и похожими на гигантские

веснушки рыжиками хрустели не только соседи, но и их городские родственники. А когда она колдовала над облепиховым вареньем, все пчёлы в округе сходили с ума от сладкого аромата. Жители деревеньки доставали с полок банки, не сомневаясь, что скоро раздастся команда: «Сергеевна (Пантелеевна, Ивановна, Митрич и т.д.), приходи за варевом!» И приходили, и уплетали, и уносили с собой плоды кулинарного вдохновения этой могучей жительницы Масловки.

И только с Колямбой Надежда Петровна вела себя воинственно. Не так-то просто было урезонить этого непоседу, чтобы в субботу предъявить его родителям целёхоньким — с руками, ногами и головой!

— Бабушка, — слышали мы за стенкой упрямый голос, — я хочу на речку, купаться!

— А укропа не хочешь? За шиворот и пучком! — интересовалась Надежда Петровна.

Чем громче она басила, тем холоднее была вода в речке — вывели мы такую закономерность.

Когда Колямба возвращался после своих походов по Масловке, домик наш дрожал от гневного крика:

— Явился-запылился! Легче ещё одного родить, чем этого отмыть!

А дальше за стенкой жахали водяные струи, звенели тазы и неслись вопли Колямбы. Внука явно не устраивали попытки бабушки отскрести въевшиеся в его тело глину и смолу.

В общем и целом они ладили отлично. Но всё же душа Колямбы искала большей свободы. И для отстаивания своей независимости он выбрал грамотный подход. Вот именно — грамотный. Колямба отродясь не писал «йошь» вместо «ёж» и не спрашивал: «Сколько

сейчас времени?», а исключительно: «Скажите, пожалуйста, который час?» Бывают же такие счастливики с врождённой грамотностью! Причём наш сосед свой дар доводил до блеска с помощью репетитора Сергея Прокофьевича, университетского преподавателя. Колямба запросто делал с ним упражнения для третьего класса и даже не морщился.

Как-то Колямба завёл с бабушкой речь о походе в лес.

— Я же там гербарий для школы соберу, — уговаривал он. — А может, и следы медведя срисую! Как же ты не поймёшь? Это так просто!

— Просто — кукарекать с мОста! — парировала Надежда Петровна.

— Не с мОста, а с мостА! — с укором заметил юный грамотей. — А раз ты ошиблась, твои слова не считаются!

— Это устное народное творчество! — нашлась Надежда Петровна. — Там букву на ветер не выкинешь!

И победила.

Но от постоянного нервного напряжения её грамотность начала сдавать...

Каждый день на половине наших соседей разыгрывалась война из-за «синей поганки» — шерстяной шапки, тесёмки которой надо было «по-девчоночьи» завязывать под подбородком, за что Колямба этот головной убор презирал. А бабушка не признавала синтетического шлема, которым Колямбу снабдили родители. Она считала, что он «пузырит» и плохо прикрывает уши. Надежда Петровна, бывший врач уxo-горло-нос, не сомневалась, что это чревато отитом и гайморитом. И тогда плакала суперпупергимназия, а заодно и блестящая карьера Колямбы. Как-то раз Надежда Петровна вновь завела свою песню:

— Одевай шапку! Одевай, убиться мне веником!

— Ба-буш-ка! И снова «двойка», — торжественно сообщил этот зануда и надул и без того пухлые щёки. — О-девают кого-то, а на себя — на-девают!

— Ах, ты, балалайка, три струны! — возгремела на это Надежда Петровна, не зная чем крыть. — Какая разница: одевают — надевают, если сегодня минус двадцать градусов!

— А что, если плюс пять градусов, тебя надо звать Надежда Петровна, а при минус двадцати и Одежда Петровна сойдёт? — съехидничал Колямба. А затем нахлобучил на голову «синюю поганку», крепко-накрепко завязал тесёмки и, сообщив: — Сегодня я к ней прикоснулся в последний раз! — отбыл на прогулку.

Через минуту в нашем окне нарисовался торжествующий лик Надежды Петровны.

— Вы слышали? Нет, вы слышали? Как он меня срезал! Одежда Петровна! — восхищалась она. — Слово-рез! Буквопляс! Бес толковый!

И тайными тропами помчалась в библиотеку за учебником русского языка. Так, знания освежить.

Колямба с той поры выходил на прогулку только в шлеме. А если ему не терпелось отправиться в какой-нибудь опасный поход, то обращался к бабушке: «Одежда Петровна», и она, как правило, пасовала перед внуком, пряча довольную улыбку.

ГОРЕ ЛУКОВОЕ

Колямба и Виталька проштрафились. Заигрались в карьере и опоздали на два часа к борщу и котлетам. А ещё вымазались в глине и промочили ноги. Что было! Что было! Всё как полагается: домашний Везувий извер-

гнул свою басовитую лаву на их головы, а затем Колямба и Виталька были приговорены обрезать пожелтевшие перья с головок лука, который Надежда Петровна повыдергала с двух грядок.

Золотистые толстощёкие головки с недоверием вылупились на малолетних работничков, а те — с гневом — на них. Луковая куча была удручающих размеров — до коленок Колямбе.

— Бабушка, а ты нам и ножи дашь? — осторожно поинтересовался внук.

— А чего ж и не дать? — отозвалась та. — Но если хоть палец порежете, руки повыдергаю!

И вручила каждому по небольшому столовому ножу. Мы с Юрой уселись на веранде чай гонять. Мальчишки, взъерошенные и надутые, изо всех сил пытались откромсать перья от луковых головок тупыми ножами. Мы им сочувствовали, но помощь не предлагали, опасаясь усугубить недовольство Надежды Петровны.

— Знаешь, Виталька, а ведь наказывать трудом непедagogично, — вскоре заявил Колямба. — Это мама своей подружке по телефону говорила. Если для ребёнка труд — наказание, он вырастет тунеядцем.

— Лентяем, что ли? — уточнил Виталька. — Конкретно что предлагаешь?

— Сделать доброе дело, — тряхнул кудрями Колямба. — У бабушки лука уродилась туча. И ей хватит, и мы в Москве его есть замучаемся.

— От острой пищи в желудке бывает язва, — подхватил Виталька.

— Воооот, — воодушевился Колямба. — А у Наумовны — смотри, не урожай, а пустяк.

Дом Наумовны располагался от нас через дощатый забор. Через него хорошо просматривались незавидные сельхоздостижения соседки. А уж лука выросло всего полгрядки. Она его тоже недавно повыдёргивала. Кучка бледноватых и мелких луковиц выглядела жалко.

— И что?

— Надо с Наумовной поделиться, — сказал Колямба. — Чтобы бабушка ничего не заметила, я головки буду обрезать, а необрезанные ты к Наумовне таскай.

— Тафай! — деловито прохрипел Виталька. Отряхнул щуплые коленки от налипших пожухлых перьев и отправился в первый рейс. Отодвинул в заборе досочку, болтающуюся на одном гвозде, и свалил охапку лука на кучку Наумовны. Потом ещё, ещё и ещё...

Когда через час Колямба и Виталька уплетали сырники с брусничным вареньем, та самая досочка в заборе отъехала, и в нашем дворе возникла Наумовна. В классической позе разъярённой соседки — руки в боки. На её взмокший от гнева лоб был надвинут голубой берет — подарок внука-десантника, а фигуру облегал камуфляжный жилет, прикупленный уже ею самой для единства воинского стиля. Бабушка-боец, ага!

— Надежда! — крикнула она с претензией в голосе. — Это что творится на белом свете? Я лук повытаскала, а через пять минут смотрю — всё разворошено, будто медведь какой рылся. И убыло вполовину!

У Колямбы с Виталькой, наверное, глаза на лоб забрались повыше, чем у нас с Юрой...

— И на кого ты, Наумовна, думаешь? — с нарочитым сочувствием отвечала Надежда Петровна из окна.

— Да на кого ж мне думать, если вы до сих пор досочку не прибьёте? — съехидничала Наумовна.

Почему померещилась ей диверсия на огороде — в рассуждения вдаваться не станем. Соседское недопонимание — дело житейское. Однако конфликт намечался!

— Аккуратнее надо было лук бросать! — прошептал Колямба онемевшему Витальке.

Заподозрить их в воровстве, да ещё лука, Надежда Петровна никак не могла. Но и отстаивать мальчишек, которые сейчас находились в опале, не желала. Тем более, смекнула она, за всем этим могла скрываться очередная проказа. Но какая? Любое предположение выглядело неочевидным.

Колямба и Виталька сопели над сырниками, не решаясь сознаться в своей «благотворительности».

— У меня яблочк нынче много, Наумовна! — похвасталась Надежда Петровна. — Я тебе ведро антоновки как раз приготовила. Сочные яблочки. До марта долежат!

Сие означало: вина точно не наша, но мы к тебе, Наумовна, со всем почтением и уважением, разделяем твоё горе и готовы в нём поддержать.

— Гхм! — отозвалась на это Наумовна, как затвор передёрнула. Привычным движением руки сдвинула голубой десантный берет к правому уху и, гордая и непреклонная, полезла назад, толкнув досочку в заборе.

Когда мальчишки водрузили на её крыльцо ведро с жёлто-зелёными ядрёными яблочками, она только нос кверху задрала, как крайний солдат в шеренге на параде.

Потом друзья завернули к нам пожаловаться на несправедливость судьбы.

— Ну, молодые люди, берите пример с Наумовны, — непедагогично и со смехом начал Юра. — Воспитывайте в себе подозрительность. Особенно к соседям. Ещё лучше — к соседям хозяйственным. Незлобивым и щедрым.

— И тогда у вас всего будет вдосталь, — тоже непедagogично поддержала я мужа. — И лука золотистого, и яблочек наливных.

...А утром следующего дня мы устыдились своих шуточек. И у дверей Надежды Петровны, и у нашей двери стояли корзины с белыми грибами. Крепкими и пахучими. Грибок к грибку. Подарок от Наумовны...

— Наумовна места знает, — улыбаясь, басила Надежда Петровна. — На пару с Матроской по лесу рыскают. Найдёт коза гриб, так мекать не перестанет, пока хозяйка его не срежет. Хоть мухомор, а подружку уважь!

Тут Колямба подумал-подумал да и рассказал бабушке, как они с Виталькой от луковых «излишков» избавлялись. А она его даже за ухо не дёрнула — руки-то заняты: надо подарок Наумовны до ума доводить. Ножиком вжик червячка из гриба — и хохочет.

ЛОСИНЫЕ ЛАДОШКИ

Солнышко на сковороде ласково ворковало, брызгало тонкими масляными лучами, исходило запахом молока и лука. Надежда Петровна позвала нас с Юрой на яичницу из домашних яиц с яркими желтками. Мы слюнки все проглотили, солнышко уже начало остывать, а завтрак всё не начинался. Колямба и Виталька не могли от ноутбука оторваться, в стрелялки резались.

— Ну что ты будешь делать? — не выдержала Надежда Петровна. — Бух да бух! У меня голова уже раскололась, как у Терминатора под дубинкой Коннора! — Подумала немного и говорит: — Надо мальцов к лесу прибивать. А не то маньяками сделаются. И кто виноват будет? Бабушка!

— А ты нас к лесу гвоздями прибивать будешь?— Из дверей высунулась любопытная мордашка Колямбы и тут же исчезла. И вовремя. Потому что в её сторону тут же полетела увесистая мокрая тряпка, которой Надежда Петровна обычно протирала стол.

— Какие проблемы? Завтра в лес и поедем! — предложил Юра.

Так и сделали.

Мальчишки явились на утреннее построение с опущенными носами.

— Что там в этом лесу делать? — бурчал невыспавшийся Колямба. — Ни грибов уже, ни ягод.

— Вот если б с ружьём, — мечтательно вторил ему Виталька.

— Там чудеса, там леший бродит! — с деланным восторгом пообещал Колямба. — Русалка на ветвях...

И с укором на бабушку посмотрел.

Но Надежда Петровна невозмутимо накручивала шарфы на шатающихся под её натиском мальчишек и нахлобучивала им до бровей тёплые шапки. Холодно, начало ноября.

— Чудеса там, чудеса, — приговаривала баском. — Добрым людям — чудеса, а недобрым — сучком в глаз!

Загрузились в машину. Юра за рулём, рядом торжественно взгромоздилась Надежда Петровна, а мы с Колямбой и Виталькой на заднем сиденье сгруппировались. Едем. В багажнике валенки, бока греют пуховые рукавицы, засунутые в карманы про запас.

Вот и лес потянулся вдоль дороги.

Прилично отъехали. И вдруг...

— Страус! Смотрите, страус! — запрыгал Колямба.

— Страус! Страус эму! — завопил и Виталька, лупя себя по коленкам.

Где, где птица? Впереди на обочине вроде бы какая-то тёмная куча, а из неё змея голову тянет. Подъехали, а змея вдруг вздыбила коричневые крылья, распахнула как, для объятий! Глянул из-под красной брови грозный глаз, блеснула изумрудная грудь — и птица полетела прочь.

Нас из машины как ветром сдуло. Сверху что-то скрипнуло, будто кто крякнул, потешаясь над нами.

— Го-го-го! — в тон ему, не по-человечьи расхохоталась Надежда Петровна. — Го-го-го! Ну, этот городской, ладно, а ты-то, Виталья, не срами деревню! Глухаря за страуса принял!

— А чего он тут расселся? — смутился Виталья. А глаза сияют. Так и полетел бы за птицей.

— Эй, орнитологи, смотри под ноги, — указала Надежда Петровна на гравий, насыпанный по краю дороги. — Глухарь сюда прилетал камушки клевать. Они ему пищу в желудке как жернова перетирать будут. Зимой она жёсткая: хвоя да почки берёзовые.

— А от камушков у него аппендицита не будет, как у меня? — забеспокоился Колямба.

— Не будет. Глухарь — птица умная. Полезное только клюёт, не то что вы. На чипсы и не посмотрит!

— Эх, ружьё бы сейчас... — опять затянул Виталья, шапку хозяйственным, мужицким движением руки поправил. — И суп сварили бы. И чучело сделали.

— Ну, маньяки, маньяки и есть! — горестно хлопнула себя по бокам Надежда Петровна. — Один такой уже попал в глаз глухарю, да тот ему потом сам глаз выклевал.

— Как так? Расскажи!

— Вот приедем, куда надо, и расскажу вам, маньякам, — буркнула она, залезая в машину.

Через несколько минут мы уже съезжали с дороги в лес. Оставили машину под сосной и дальше пешком двинулись. Впереди Надежда Петровна. Пар от неё — как от коровушки в холодном хлеву. Колямба с Витальной зайцами меж ёлок петляют, шишками бросаются. Мы с Юрой стараемся не отставать.

В городе уже шёл первый снег и растаял. В городе слякотно, грязно. А в лесу зима завивается. Значит, и мы — первые зимние люди. Хорошо бродить по лесу, когда время года только сменилось: осень — зимой, зима — весной, весна — летом, лето — осенью. Смотришь кругом и будто впервые всё видишь. Будто никто ещё и не знает, что время другое наступило, а ты первый про волшебство узнал и сам помогал в его сотворении. И чувство какое-то в душе необыкновенное. Радостное. Глотаем холодный, упругий воздух, как яблоки грызём. Ёлки в нежной белой опушке. Оглядывают друг друга, у кого лучше ветки блестят. Придерживают нас за плечи, чтобы и мы полюбовались. Ёлочки стоят будто на белом полу. Снежный наст молоденький, тонкий. То травинки сухие, нежные его проколют, то высунутся чёрные поганки — словно это какое-нибудь чудище из-под земли корявые пальцы тянет, стараясь выбраться наверх, чтобы взглянуть на свежую зимнюю благодать.

Когда вышли на широкую поляну, Надежда Петровна остановилась возле дуба с дуплом. Одинокие тяжёлые листья едва шевелятся. Обошла дуб кругом, то ли любуясь, то ли с осуждением разглядывая.

— Здесь Монах спит, — сказала приглушённым баском.

— Какой монах? Почему спит?

— Лабрадор. Порода такая собачья. Чёрным он был —

от носа и до хвоста. За это Монахом его назвала, — повздыхала. — Задумчивый был пёс, интеллигентный. Начнём с ним разговаривать — внимательно выслушает и прямо в нос лизнёт, как умает. С ним мы на охоту ходили, с Монечкой. Дед Степан твой и я, дурочка.

— Бабушка, так ты — охотница?

— Была. Ружьё — это третья рука. Железная, хваткая, жадная. Пристанет — попробуй от неё отделаться.

— А нас за стрелялки ругаешь, — напомнил Виталька.

Но Надежда Петровна предпочла его не услышать. Дальше рассказывает.

— Однажды приятели позвали Степана на кабана. Кабаны наглые, злые. Не люблю их. Стёпа взял с собой Монаха. Ну, дело к вечеру, темнеет. Стёпа в засаде. На него зверя гонят. В любой момент может выскочить. Ружьё у Стёпы наготове. Чу, шорох! Зверь по кустам идёт. И прямо к Степану. Тот и выстрелил в тень. Подбежал — а это Монечка лежит. Не дышит. Обознался Стёпа, ушёл в азарт, забыл про пса. Под этим дубом его и упокоил. Неделю с ним плакали, — пророкотала Надежда Петровна. — И зарок дали: собак больше не заводить, к ружью не прикасаться. А тут приятели опять пристали к Стёпке — зовут на глухаря. И подначивают: дескать, рука дрожит, осрамиться боишься. Ну, что? Подстрелил он глухарика. Разложила я потом крылья — размах под два метра. Надбровники маком цветут. Борода сердитая. Словом, Царь-птица! Стёпа ему в глаз попал.

— Он что, злой был? — Колямба вспух губами, в глазах слёзы. — Он злой был, да?

— Кто? — опешила Надежда Петровна.

— Ну дед Степан, — выдохнул Колямба.

Надежда Петровна вздохнула.

— Твой дед был самым добрым человеком на свете! — отчеканила и продолжила ровным голосом: — А потом тот глухарь к нему повадился, сниться начал. Явится — и в правый глаз клюёт. Не мог его Стёпа прогнать из своего сна. Через пять месяцев глаз и ослеп. По врачам я Стёпу таскала, а толку нет. Отчего, почему это случилось — доктора причину не нашли. А Стёпа сам говорил: «Зря птицу загубил. Через зарок. Через Монаха переступил. Не мой был трофей». Отомстила ему Царь-птица.

Ветер подул протяжно, как будто где-то вздохнул волшебный великан. Жаль было Монаха, интеллигентного пса. Жаль было глухаря-красавца. И деда Степана, который был самым добрым человеком, но вот же убил и собаку свою, и Царь-птицу, тоже было жаль.

Виталька, который не переносил, когда кто-нибудь печалится, дипломатично шмыгнул носом:

— А есть что поесть?

Да когда же у Надежды Петровны угощений не было? На широком пне разложила яйца варёные, котлеты, пирожки с капустой, чеснок. Из термоса разлили по пластмассовым стаканчикам чай с мятой... Наелись, а глазам ещё хочется.

— С лесным духом вприкуску всегда аппетитнее, — хмыкала довольная Надежда Петровна.

На десерт мы клюкву нашли. По мятой ягоде на каждого и ещё одну. Так и оставили в мёрзлом мхе рубиновую горошину — какой-нибудь птице на обед. А сами долго катали на языке жестковатые осенние кислинки.

Когда у Колямбы и Витальки разгорелись щёки, Надежда Петровна забеспокоилась, что мальчишки продрогнут и заболеют.

...Машина весело бежала домой, Юра её едва сдерживал. Оттягивал расставание с лесом. Деревья совсем близко подошли к дороге — попрощаться.

Надежда Петровна первой заметила лося. Будто большой дирижабль летел через деревья к дороге, наперерез нам.

— Ах ты! — вскрикнула она и сдёрнула на лицо красную шапку.

Юра вывернул руль, ударил по тормозам. Но машина ещё катилась. И уже понятно — не разминуться. Капотом толкнулись в рыжий мохнатый бок. Тю-уukk! Огромный зверь рухнул перед машиной и замер.

Мы сжались, скрючились в машине. Прижала к сиденьям тягость — убили... У Колямбы и Витальки лица стали — не описать, про такие говорят: не от мира сего. Едва дышат.

Юра вышел из машины. Бормоча что-то под нос, склонился над поверженным зверем. Разглядывает — жив ли.

И тут же вровень с его головой в кепке — видим через лобовое стекло — коровья голова поднялась. Потянулась к Юре тёмной губой, будто поцеловать. Замер он. Но лось вдруг задёргался, собирая воедино силу раскинутого на дороге тела, заворошил худыми светлыми ногами. Взметнулась коричневая гора, качнулась, проверяя свою крепость. И быстрой могучей волной прынула от нас, пролилась в лес. Изящные ноги будто и не касались земли.

Был ли лось или только привиделся?

— Вот так живёшь, и вдруг напасть на тебя, — пробормотала Надежда Петровна. — Если сплоховал перед ней — потом весь лоб в поклонах расшибёшь, а если Бог миловал — ещё шибче.

Тут Юра рукой нам замахал:

— Смотрите!

Перед капотом лежали вразброс две огромные костяные ладони, две пригоршни — рога лосиные. С одной стороны посмотреть — они дремучие, дикие. С другой — нелепые и весёлые, будто художник-фантазёр мастерил эти руки для какого-нибудь чудака-гиганта.

— Как так? — Задрожали у Колямбы ресницы. — Обломались?

— Он их от испуга сбросил, — постарался успокоить Юра.

— Как ящерица хвост? Ему больно?

— Он и так недолго рога носил бы. — Виталька старался говорить медленно, авторитетно, а у самого зуб на зуб не попадает. — Лоси зимой рога скидывают. О деревья даже бьются, чтобы отодрать их от головы. А весной у них новые вырастают. Мяконькие.

Колямба с Виталькой осторожно дотронулись до лосиных «ладошек». Шершавые. Тяжёлые. Почти вполонину мальчишеского роста. Сосчитали: на каждой по восемь «пальчиков» — закруглённых кончиков. Ещё не старый. Жить ему и жить.

— Вот и чудеса вам, люди добрые, — усмехнулась Надежда Петровна, поддразнивая мальчишек. — Какой трофей! И ружьё не понадобилось.

— Мы теперь лося подкармливать будем, — обрадовался Колямба.

— Пойдём в лес и хлеба принесём ему, — поддержал Виталька. — И соли из Москвы привезти надо. А то у нас в магазине лосю не хватит. А он пусть ест.

Юра перенёс рога по одному в багажник. Потом мастер в Москве их обработал, приделал красивые дере-

вянные плашки, чтобы удобно было на стенку повесить. Один рог для Колямбы, другой для Витальки.

Колямба под своим картонку приспособил с надписью, выведенной красным фломастером: «Подарок Колямбе, доброму, как дед Степан, человеку. Царь-лось».

Продолжение следует

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 23

НАРЦИССЫ

Дорогие друзья, на этом уроке мы научимся плести один из первых весенних цветков — нарцисс. Нарцисс может быть белого, светло-жёлтого и ярко-жёлтого цвета. У него шесть лепестков, расположенных в два яруса, серединка в виде воронки, несколько тычинок и два-три длинных зелёных листа.

Из множества вариантов я выбрала модель, выполненную в технике французского (дугового) плетения.

Для работы нам понадобятся бисер белого, светло-жёлтого или ярко-жёлтого цветов для лепестков, бисер или рубка зелёного цвета для листьев и бисер жёлтого, оранжевого, красного и зелёного цветов для воронки и тычинок. Дело в том, что воронка должна быть достаточно контрастной. Если лепестки цветка белые, то для воронки мы будем использовать бисер жёлтого, красного и зелёного цветов, а вот если лепестки светло-жёлтые или ярко-жёлтые, то при плетении воронки лучше использовать оранжевый бисер.

Листья у нарцисса достаточно светлые, но бледно-зелёный бисер всё же использовать не стоит, лучше подобрать более яркий, но не слишком тёмный оттенок.

Ещё нам понадобятся проволока диаметром 0,4 — 0,5 мм для лепестков и листьев и проволока диаметром 0,3 мм для воронки и тычинок. Цвет проволоки большого значения не имеет, потому что её практически не видно. Обращать внимание на цвет проволоки нужно лишь в том случае, если мы будем использовать зелёный прозрачный бисер. В этом случае обычная медная проволока может изменить цвет листьев, потому что будет просвечиваться через бисерины.

Для сборки понадобятся полужёсткие стержни или более толстая проволока, флористическая лента зелёного цвета или нитки мулине.

А теперь давайте приступим к работе.

ЛЕПЕСТКИ

На проволоку нанизываем бисер того цвета, который мы выбрали для лепестков. Нанизываем достаточно много, при этом проволоку от катушки не отрезаем. Для оси можно взять отдельный отрезок проволоки и примотать его к рабочей несколькими оборотами, а можно использовать и рабочую проволоку, скрутив её так, как я рассказывала в предыдущем уроке.

На ось нанизываем 2 см бисера (10 — 12 бисерин) и делаем три пары дуг вокруг неё. Схему можно записать следующим образом: ось — 2 см, три пары дуг округлый верх (ОВ), округлый низ (ОН).

Для одного цветка выполняем шесть таких лепестков.

ВОРОНКА

Для воронки возьмём более тонкую проволоку диаметром 0,3 мм и бисер трёх цветов, в зависимости от цвета лепестков. Мы рассмотрим вариант с жёлтым, красным и зелёным бисером.

Нам понадобятся два отрезка проволоки длиной 20 и 30 см. На более длинный отрезок нанизываем три жёлтые бисерины, одну красную и ещё три жёлтые бисерины, зелёную бисерину нанизываем сразу на оба конца — у нас получилась плоская петля.

Теперь на любой из концов нанизываем одну зелёную, три жёлтые, одну красную и ещё три жёлтые бисерины и проходим тем же концом проволоки через зелёную бисерину так, чтобы проволока вошла между жёлтой и зелёной бисеринами, а вышла рядом с другим концом проволоки. Мы много раз плели такие петли, например, в клевере и в маках.

На этом же конце делаем ещё одну такую же петлю и ещё две на другом конце проволоки. Всего должно получиться пять петель. Затем берём второй отрезок проволоки, продеваем его в красную бисерину первой петли и немного подкручиваем другой конец этого отрезка, чтобы он не выскочил. Далее нанизываем на этот отрезок пять красных бисерин и продеваем его в красную бисерину второй петли, снова нанизываем пять красных бисерин и снова продеваем в красную бисерину уже третьей петли. Таким образом, соединяем все пять петель. Чтобы было проще находить красную бисерину, петли нужно сплющить, тогда красная бисерина окажется строго вверху петли.

Когда мы соединили все пять петель, выравниваем концы второго отрезка, на каждый из них нанизываем по пять красных бисерин. Затем нанизываем ещё одну красную бисерину на любой из концов второго отрезка и проходим другим навстречу. На каждый из концов проволоки нанизываем по три жёлтые бисерины и ещё одну зелёную сразу на оба конца — у нас получилась шестая

петля. Концы проволоки опускаем вниз к концам первого отрезка, аккуратно подкручиваем все концы проволоки на несколько оборотов, следим, чтобы не соскочила зелёная бисерина. Воронка готова.

ТЫЧИНКИ

Для тычинок возьмём небольшой отрезок тонкой проволоки, нанижем одну жёлтую бисерину, а потом ещё одну жёлтую и три зелёные сразу на оба конца — у нас получилась одна тычинка в виде иголки.

На любой из концов проволоки нанизываем три зелёные бисерины и две жёлтые (всего пять бисерин), отодвигаем последнюю жёлтую бисерину и проходим этим же концом в обратном направлении через вторую жёлтую бисерину и три зелёные. Рядом с первой иголкой должна получиться вторая. Повторяем то же самое на другом конце проволоки. Всего должно получиться три тычинки.

Готовые тычинки вставляем в воронку и подкручиваем концы проволок. Обращаем внимание на то, что у воронки концы проволоки находятся сбоку, поэтому при скрутке их нужно слегка сдвинуть к центру или один из концов проволоки продёрнуть через серединку воронки и вывести с другой стороны.

ЛИСТЬЯ

При изготовлении листьев мы тоже будем использовать технику французского (дугового) плетения, но с некоторыми усложнениями.

Так же, не отрезая проволоку от катушки, нанизываем достаточное количество зелёного бисера или рубки (рубка в данном случае более предпочтительна, потому что

позволяет сделать лист более тонким и одновременно более устойчивым), делаем ось. Обращаем внимание на то, что ось у нас достаточно длинная — 15 см (75 — 80 бисерин). Если мы используем отдельный отрезок проволоки, то делаем его достаточно длинным, чтобы было из чего сделать черешок листа. Если же мы используем рабочую проволоку, то для создания оси оставляем конец проволоки не менее 30 см.

Итак, на ось нанизываем 75 — 80 бисерин и делаем одну пару дуг, отмеряем рабочую проволоку так, чтобы хватило сделать вторую пару дуг и ещё немного для подкрутки и черешка, проволоку отрезаем. Если на катушке остался нанизанный бисер, то слегка подкручиваем конец проволоки, чтобы бисер не соскочил.

Возвращаемся к листу. На рабочую проволоку нанизываем бисера в два раза меньше, чем для первой дуги (приблизительно 45 — 50 бисерин), плотно укладываем проволоку к первой дуге, заводим конец проволоки между осью и первой дугой и продёргиваем проволоку между бисеринами первой дуги так, чтобы нанизанный бисер лежал плотно и параллельно по отношению к первой дуге.

Нанизываем ещё 45 — 50 бисерин, опускаем проволоку вниз к черешку и делаем оборот вокруг него. Количество бисера я дала весьма приблизительное, его должно быть столько, чтобы не было пустой проволоки и чтобы этот ряд плотно прилегал к предыдущему. Повторяем то же самое с другой стороны листа. Закрепляем проволоку внизу и обрезаем излишки.

Вспоминаем, как мы закрепляли и обрезали ось. Сначала мы остаток оси продёргивали между последней и предпоследней дугой, аккуратно затягивали и уже по-

том обрезали проволоку, оставляя миллиметров пять. Потом этот хвостик прятали между рядами бисера. Если хвостик делать более коротким, то спрятать-то его получится, но он всё равно будет чувствоваться на ощупь, а более длинный, спрятанный между рядами, практически незаметен.

Для каждого цветка делаем по два листа.

СБОРКА

Тычинки мы уже вставили в воронку. Воронку прикручиваем к полужёсткому стержню или отрезку толстой проволоки. Далее подкручиваем три лепестка верхнего яруса, фиксируем флористической лентой, а затем подкручиваем лепестки второго яруса в шахматном порядке и снова фиксируем флористической лентой.

Продолжаем обматывать стебель цветка, приплетая ниже два зелёных листа. Головки части цветков можно слегка наклонить в сторону, так они чаще всего выглядят в природе. Стебли же у нарциссов достаточно длинные, сантиметров 25 — 30.

Вазу нужно брать достаточно высокую и узкую. Если ваза прозрачная, то её засыпаем какими-нибудь красивыми камешками, они достаточно часто продаются в магазинах. В непрозрачную вазу устанавливаем цветы, как обычно — с помощью гипса.

Дорогие друзья, по-прежнему жду от вас отзывы, вопросы, предложения и фото ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна